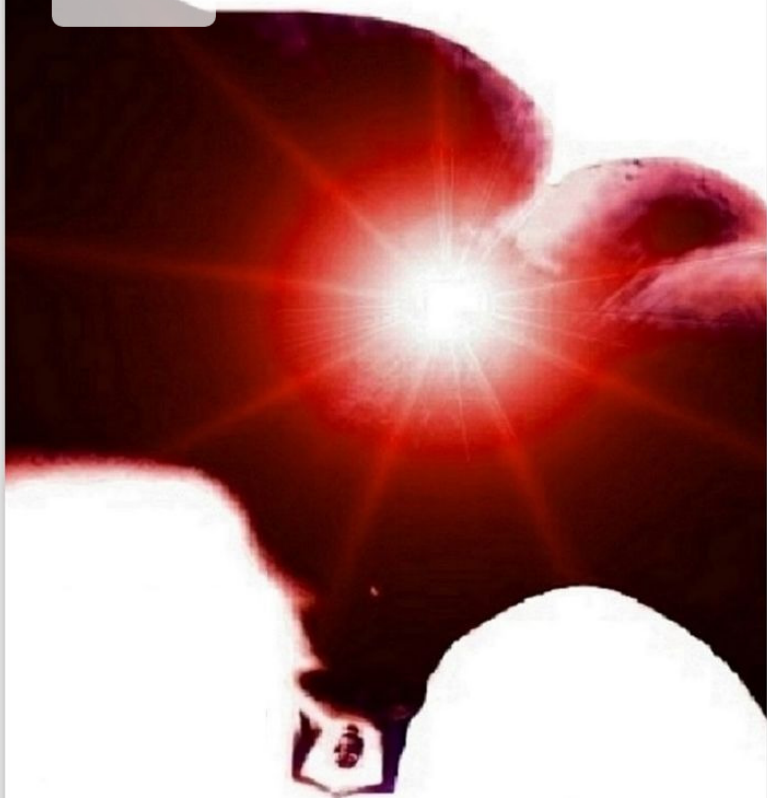

18+ ИГОРЬ СОКОЛОВ

ЛЮБОВЬ В ЭПОХУ
НАОПЛАЕТСЯ

Игорь Павлович Соколов

Любовь в эпоху инопланетян

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11060494

ISBN 9785447414467

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В сборник «Любовь в эпоху инопланетян» вошли эротическо-философские рассказы о любви с элементами абсурда и черного юмора. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Жизнь после смерти возлюбленной	5
Магическая женщина	36
Побег	40
Психическая атака 13	43
В прострации	53
Атеист	55
Чистые отношения	59
Рудольф Б. Манхейм и его наука выживания	63
Супермен	69
Геракл	73
Рассеянный	75
Убийство убийцы	80
Великий Моцарт или случай больного Т.	83
У сексопатолога. Доктор и пациент	88
Посторонний	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Любовь в эпоху инопланетян

Игорь Павлович Соколов

Дизайнер обложки Игорь Павлович Соколов

© Игорь Павлович Соколов, 2016

© Игорь Павлович Соколов, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4474-1446-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь после смерти возлюбленной

Смысл этой жизни в его отсутствии... Но я это понял не сразу...

Однажды мне пришлось пережить смерть своей возлюбленной...

Она погибла в автокатастрофе... Я не хотел жить... Но потом... стал писать песни о ней, и о своем страдании, и это меня спасло... Потом я женился, еще раз женился, было много всего, что полностью изничтожало любой смысл моего существования, но я все-равно жил... напротив... навзничь смысла...

Что я вынес из всего этого?! – Не знаю... Жизнь била меня и переворачивала как хотела, она вертела мной, и на чем бы я не заострял свой взгляд, он все-равно падал, пропадал в невероятной глубине...

И все же главное, что я вынес, это тишина и покой, которые спасали меня в лесу, когда умер мой отец... Мой отец... Мой мудрый друг... Он никогда не ударил меня за всю жизнь ни рукой, ни словом, а однажды, когда я ему сделал больно, он просто промолчал... Только глаза его чуть увлажнились и все...

Я понял, что высшее благо в призрачном отсутствии ме-

ня в этом мире... Наедине с природой, ей одной я открывал свою душу, и был чистым агнцем, и ангелом к вершинам, под свод небесный тихо, с закатом уплывал...

И в то же время я чувствовал везде присутствие своего Отца... Его Образ слился для меня с Творцом... Он был тем самым высшим существом, любившим меня бескорыстно и так глубоко, проникновенно, что даже материнская любовь, любовь не менее сильная, была чуть-чуть задвинута за край другого Бытия...

Страницы как опавшие листья... Множество страниц на одной перевернуто для тебя, чтобы ты прониклась тем самым очарованием, которое я для себя нашел в жизни... Из своей студенческой комнаты я когда-то сделал алтарь для своей мертвой возлюбленной, с одной стороны висел Брежнев с пятью звездами и безумно-отторопелым тщеславным взглядом, с другой щурилась божественная Мерилин Монро, соблазвившая своими буйными прелестями не только Америку, но и нашу Европу и Азию, а посередине над окном висела она Люба... Любовь... уже унесенная вечными снами и сложившимся от удара автомобилем...

Почему я не пришел на ее похороны?!... Наверное потому что не мог видеть ее уже холодное изуродованное тело, в котором не сохранилось ни капли живого тепла... Люди ходят на могилы, они приносят туда свою память о тех, кого с ними нет... Но что принесу я?! – Свою память, но разве эта память докричится до ее холодных останков?! – Она была

безумно красива, ее глаза светились радостью жизни...

Ее великолепное тело вбирало меня своей чудесной глубиной, и в ее горячем чреве моя душа билась как пойманная рыбка... Я целовал ее везде... Я целовал мочку уха, неожиданно хватался губами за упругий сосок, целовал в тонкую нежную шею, целовал ложбинку меж двух полушарий, целовал живот, трогал губами поросль между ног, и сосал ее крошечный розовый сосочек, последнее упоминание о том, что когда-то она тоже была мужчиной...

Ее стройные ноги как две колонны из розового мрамора только подчеркивали божественность ее создания, рождения на грешной земле... Она выросла из нее как сказка и свела меня с ума... Я с закрытыми глазами мог найти губами любое в ней место и узнать по ощущению, по вкусу, как свое родное, вышедшее из самого себя...

Капелька росы... Она же капелька семени, капелька ее чистой слезы, капелька девственной крови, капелька нашего живого очарования, капелька летящая, слетающая за одно мгновение и олицетворяющее его с тихим придыханием и стоном, тем едва слышимым, но таким громким при прикосновении к коже пульсом, колеблющим и ветры, и сны, утешающим двух младенцев единым слитным шумом...

Воистину воскрес со мною мертвый лес... И Отец... И моя мертвая возлюбленная слились для меня в единое существо, которое я мог как волшебник оживлять для себя хотя бы на мгновение... И жить с ним как прежде, когда вре-

мя останавливалось как замерзшая в ледышке вода, и в этой воде, ледышке был виден свет другой, потусторонний, но отражающий нас повсюду и отовсюду как повисший над нами небесный свод, под которым и ты, и я постоим, и улетим вместе, просто растаем как дым...

Я уже написал множество книг и стихов, и всякий раз посылая их мысленно Тебе, я почему-то думал, что Ты их обязательно прочтешь, хотя другое мое «Я» мучило себя бессмысленными вопросами: прочла ли Ты, получила ли?! Везде одно ли...

Ли грустное как Осень, в которую уже одеваются все подмосковные леса... их сначала окрашивает багрянец, потом они медленно бледнеют, пустеют, и все... Смысла уже нет говорить что-то еще, принтер оборвал для Тебя остаток моих стихов, как бы заранее подтверждая мою собственную ненужность... Я не знаю, почему я Тебе пишу, когда нет смысла что-то выуживать из себя... И вообще я едва живой, я живу против смысла с тех пор, как погибла Ты, моя Люба-Любовь... Другой настоящей Любви уже не будет... А всем по фигу, но от этого не так уж сильно обидно...

Однажды я летел в самолете, потеряв Отца, и стюардесса врубила на всю мощь Пугачеву, а я молча плакал, утыкаясь лицом в облака, в их молочную сферу, в их кисельные берега, мне вдруг опять захотелось стать ребенком, чтобы мой Отец опять взял меня за руку и повел в светлый Сад Детства моего... Прощай моя Любовь! Мне ничего уже не надо!

Даже самой Жизни! Ты дала мне Все и это все забрала с собой! Я пишу Тебе письма и опускаю их в чужия почтовые ящики... Пусть их читают другие, и кто-то из их умрет, и передаст Тебе весточку от меня!

Неумолимая страсть подбрасывать людям эти письма длится уже несколько месяцев... Я едва работаю, едва что-то соображаю, гляжу как сова по ночам в экран компьютера и тихо разговариваю с Тобой...

Ты меня вроде, как и не слышишь, но кто-то внутри меня подсказывает, что, наоборот, Ты все слышишь, и поэтому я пишу Тебе и плачу... Слезы промокают уже пропитанную вечным смыслом бумагу, удесятерив мои оставшиеся силы... Я знаю, что завтра едва буду двигать носом, глазами, ногами и языком, что буду походить на ужасную сомнанбулу, но мне хочется быть сомнанбулой, поверь, Твоя Смерть изменила все до абсолютной неизвестности... Все мои знакомые и друзья меня еле узнают... Они уже, верно, думают, что я сошел с ума...

Вчера ко мне вечером приходил психиатр, он так и не сказал мне, что он психиатр, но я догадался по одним только вопросам, что он врач-психиатр, который по чьей-то невидимой просьбе решил проверить мое состояние...

Ты когда-нибудь ощущала состояние человека убивающего самого себя по нелепости? Нет, ни как твой отец, сидевший в тот несчастный день за рулем, ведь он тогда не спал, он просто торопился, а я вот спал, и мне приснился сон: я иду

по очень высокому-высокому бетонному забору, и настолько узкому сверху, что едва держусь на нем, хватаясь за макушки рядом растущих деревьев, и хочу спрыгнуть с него то в одну, то в другую сторону, но боюсь разбиться и умереть, и так вот хожу по нему, и хожу, а потом медленно-медленно засыпаю, и уже чувствую, что засыпаю, и что ветки уже обламываются под моей рукой, и я падаю, и мне страшно, я кричу, и просыпаюсь, просыпаюсь и вижу, что держу в руках Твою фотографию, Твое безумно красивое личико, и прижимаю ее к левой груди, и плачу, а сердце стучит так громко, а я еле-еле живой...

И вроде хочется туда к Тебе, моя милая, а что-то еще меня держит! Только живу я, как бродяга, что Бог мне пошлет, тем и живу... Вот и психиатру этому я тоже говорю, что о Тебе, мол, не думаю, а если и думаю, то как бы вскользь, невзначай, а он мне говорит, что это уже и есть болезнь, если часто об усопшей думаю... Только он, дурак, не понимает, что Ты все еще живая, и что спрятана Ты у меня в самом сердце, и что вынимаю я Тебя, когда захочу, и брожу тогда с Тобой как и раньше по всему городу... Зайдем в какой-нибудь магазинчик. А Ты там все незаметно скушаешь или так незаметно для всех оденешься во все лучшее, во всякие дорогие меха, бриллианты, и выйдешь никем незамеченной из магазина-то, а мне смешно, ибо люди не понимают, какая Ты теперь стала свободная и недосыгаемая для всех, как ангел божий, ведущий меня за ручку...

И бродил я за Тобой во все времена, и не следил за их течением, и рад был, что опять с Тобой, но только ближе к вечеру Ты опять исчезала, а я опять бросался к компьютеру строчить Тебе письма, и казалось мне тогда, что чем больше я их Тебе напишу, и чем больше в чужие ящики брошу, тем дольше будешь Ты со мной, Краса моя, по городу бродить...

И пусть Ты мне ничего не говоришь, а только смотришь, и туманишь мои глаза своею чудною улыбкой, мне и этого достаточно, чтобы тут же пасть перед Тобой на колени и расплакаться как дитю малому и обиженному тому, что скоро Ты опять покинешь меня, и буду я тогда опять писать Тебе одной, и тихо беседовать с Твоей еле видимой тенью... Уже повис мой инструмент, и я давно как импотент... Интеллигент!

Как люди становятся циниками?! Наверное, от безумных происшествий! Ты что-то теряешь, а потом пытаешься чем угодно заменить эту пропажу! Вот и я, потерял Тебя, и пустился, дурак, во все тяжкие! И каких только сволочей я не целовал, и не уламывал, чтобы не думать о Тебе, моя крошка!

О, как мерзок был я в минуту своего грехопадения! Все глубоко интимное, живое и нежное, когда-то рожденное нами, превращалось в холодное и отвратительное поглощение себя чужим бессовестным телом, телом, у которого даже не было лица, ибо лицо было таким одинаково бесформенным, как маска с равнодушного ко всему покойника...

Мне казалось, что секс это некое лекарство от моей несчастной Любви к Тебе, когда я не могу Тебя взять или просто потрогать, то я, вроде, как могу потрогать любую, и с этой любой представить, почувствовать в ее теле Тебя... Но ни в одном из этих грешных тел Тебя не было... И плакал я, и разговаривал с Тобою, а Ты мне только грустно улыбалась... Было ощущение, что я плыву куда-то, все дальше удаляясь от Тебя...

Было ощущение совершенно ненужного усталого разврата, где все зачем-то поимели друг друга, и разошлись, как ни в чем не бывало! Вот, такая дьявольская штука, этот неоспоримо нужный и такой бессмысленно ненужный Секс!

Начну с объекта №1. Юное, но уже греховное создание.

Оно лезло целоваться ко мне в нетрезвом уме и напрочь отсутствующем рассудке. Мы познакомились на дискотеке, и там же на дискотеке напились водки.

Этому №1 нужен был я на одну ночь, как впрочем и мне этот объект был нужен совсем ненадолго, чтобы, может, найти в нем какое-то упоминание-воспоминание о Тебе...

Итак я ее раздел, она меня, потом я закрыл глаза и вошел в нее... Я попытался представить Тебя, я уже почти что-то такое почувствовал, но эта дрянь заорала таким неприятным хриплым чужим отвратительным голосом, почти мужским басом, что все тут же исчезло...

И Ты растаяла как дым...

Объект №1 получил от меня несказанное удовольствие,

а вместе с ним и беременность...

И тогда он стал преследовать меня...

Везде, где можно, подстерегая меня своей коварной и хищной улыбкой, но я был неумолим...

Я любил только Тебя, и готов был вечно жить, ну, хотя бы с Твоей Тенью...

Тогда №1 обратился за помощью к каким-то дебилам, и те избili меня до полусмерти, но и после этого я остался неумолим, мое солнышко!

Объект №1 родила тогда девочку и оставила ее в роддоме, иногда я приходил туда и любовался ею с тех пор, пока какие-то сердобольные американцы не увезли ее к себе...

Я пытался вернуть себе дитя, но доказать свое отцовство так и не смог, все произошло так быстро, словно этой печальной случки никогда между нами и не было...

№1 тоже страдал и приходил ко мне, и мы вместе напивались, и сношались...

Правда, когда я уже одумался и бросил ее, и бросил-то опять-таки во имя Тебя, то пролечился, так, на всякий случай...

Все-таки с одной Твоею Тенью мне становилось все более невыносимее, да и этот псих-психиатр, видно тоже очень много знал, он рассказал мне как много молодых шалопаев на его веку покончили с собой из-за таких как Ты, а поэтому я Тебя сразу возненавидел, и возненавидел так сильно, что почти сразу у меня нашелся объект №2.

Он был уже не так молод, т. е. она, и как говорится, прошла через все огни и воды, а мне это было на руку, так как я сам умирал и от жажды, и от Твоего огромного Огня...

Огонь Твой палил меня ночами, когда я говорил с Тобой, и даже спал... Ты жгла меня безумными Очами, а я взлетал как дым под небеса... №2 была рыжим и очень бесстыжим созданием...

Она могла совокупляться день и ночь, и еще столько же, и до тех пор, пока я от усталости не открывал глаза... Да, на какое-то время я нашел в ней Тебя, как ни странно, но эта похотливая баба-бабища могла быть такою же резвой в постели как Ты, а с закрытыми глазами я мог чувствовать Тебя...

В ее теплом лоне было также хорошо и уютно, как и с Тобой... Я знаю, что даже на том свете Ты обижаешься на меня, но я здесь живой, и мне еще дорого все человеческое, и даже животное, что мы находим в себе...

Если я не прав, то дай знать... Как?! – Очень просто!

Я привяжу веревку между двумя креслами, и если объект №6 встанет ночью с кровати и споткнется впотьмах об эту веревку, и упадет, то это будет означать, что я не прав, а если объект №6 не ушибется, то не права будешь Ты, моя дорогая!

Да, время летит очень быстро, эти объекты так и сменяют друг друга, быстро и незаметно, и во всех я пытаюсь найти только Тебя, моя бесценная... Вчера украсил розами твою могилку, украшал почти весь день, с утра и до вечера... До-

мой пришел очень поздно...

№6 устроила сцену ревности, наставила мне синяков под глазами, и теперь я пишу Тебе с трудом, глаза слезятся, я их закапываю левомецитином, мажу специальной мазью, и вообще очень много из-за Тебя приходится нервничать... Вроде Тебя уже и нет, а Ты все еще здесь, и попробуй докажи обратное... Помнишь как мы сблизились с тобой в ту первую летнюю ночь, когда закончили школу...

Последний поход всем классом... у реки, в палатках, у березовой рощи с костром и гитарами... О чем поет ночная птица... А сверху звезды, луна, винишко, сигареты... И опять Ты, вся такая веселая и несерьезная... Шепот в ухо... Пошли...

И мы с Тобой тихо встали и пошли, туда, подальше в темноту и за деревья, за кусты, и еще дальше, уже не слышно голосов, мы целуемся, ложимся с Тобой на траву...

Как быстро, очертя голову я срываю с Тебя трусы...

Они влажные... Со страху обмочилась, бедная!

Ну, ничего, бывает, бывает, и потом уже не до этого, совсем не до этого, просто надо очень осторожно, ну, ты сама знаешь, шепот в ухо, только не в меня...

Ну, конечно, сейчас, вот-вот и... Что и?... Ну, все будет, как положено. – А как положено? – Это знает только Бог, Бог знает все, а потом он еще знает, что он ничего не знает. – Да, это же Сократ! – А Сократ тоже Бог, детка! – Ну, это для философов! И для дураков тоже!... Хороший ответ в нашу

первую, хотя и внебрачную ночь... Господи, как стрекочут насекомые и завывают, воют комары... они нас кусают, кусают без жалости, а нам и больно, и хорошо, а поэтому мы их почти уже не чувствуем, а чувствуем только друг друга...

Потому что над нами океан звезд, а под нами теплая влажная земля, и в нас то же самое тепло и влага, и через многие годы будет все также, правда, нас уже с Тобой не будет, и вот и Тебя уже нет, а я еще есть... а тогда в ночном лесу Ты заговорила о наших с Тобой детях, и когда ты только заговорила, меня стал до костей пробирать страх, страх Твоего тела, страх Твоей беременности и очень-очень ранней свадьбы...

О, какой же я был тогда дурак! Говорил Тебе, что очень хочется быть молодым, и гулять с Тобой тоже очень хочется.

– Ну, то-то!

– Да с тобой, но безо всякого домашнего хозяйства!

– Ну, ладно!

– Да, без хозяйства, и чтобы гулять все дни и ночи напролет, а поступать будем в один институт, и обязательно выучимся на юристов, и будем друг другу ночами в постели разъяснять законы, каждую букву закона, Ты мне один, я тебе другой, и так будем всю жизнь учиться друг у друга

– Ты будешь людей сажать, а я защищать... А может наоборот?

– А может наоборот!

– А если мы вообще никуда не поступим?!

– Ну, это как сказать!... Опять волшебный поцелуй, стре-

кот кузнечиков в траве и тихий шелест листьев...

О, как бы я хотел лежать там в траве с Тобой, с моей юной и прекрасной волшебной невестой, и там же с Тобою умереть, чтобы никогда не терять друг друга, даже на том свете...

О, Боже, что за грохот?! Это предмет №б упал-таки, споткнувшись о нашу с Тобой натянутую веревку, выходит, я был не прав милая, прости!

– Ты с кем там разговариваешь? – тревожно спрашивает меня объект №б, он же моя очередная женщина, являющаяся ко мне постоянно через ночь, пока ее чрезмерно злоупотребляющий алкоголем муж сохраняет останки какого-то старенького заводика по изготовлению резиновых изделий.

– Трудно сказать, – я вытягиваюсь на кровати немым вопросом, опущенным в холодную вечность, зная, что когда-нибудь кто-то мне все же ответит...

На многих людей в этой жизни мне было наплевать, может поэтому очень многие плевались в меня?! Впрочем, чем я был лучше их, таких же несчастных и отвратительных?!

– Ничем! Я изучал человеческий род с помощью философских трудов.

Мне казалось, что философы как самые мудрые люди смогут ответить мне на самый животрепещущий вопрос: Кто Я? И что мне кроме Тебя еще нужно?!

Но, увы, философы оказались такими же несчастны-

ми и отвратительными людьми, только более запутанными в своих наукоемких или благообразных рассуждениях. «Многознание уму не научает», – повторил я вслед за Гераклитом и решил ничего не делать, и плыть по жизненному течению, уже мало цепляясь за какой-нибудь смысл.

Правда, как-то случайно я познакомился с одним мудрым стариком, который подсоединял мой компьютер к интернету, и который, отметив пустоту моего отрешенного взгляда, сказал: «Как мудрая пчела собирает с цветов свой мед, так и ты чрез интернет приобретай врачевание твоей никчемной души.

Ищи всех, кто тебе только нужен, и все к тебе явятся, если в ненатуральную величину, то в телескопическую».

Слова этого старика глубоко запали в меня, и я вдруг почувствовал, что имею возможность найти тебя через интернет и воссоздать Твой прежний Образ.

С этой целью я стал посещать сайты по брачным и всем прочим знакомствам. Я искал прежде всего Твое Лицо.

Я понимал, что идеального сходства найти почти невозможно, но это самое почти согрело мою душу, указывая мне на возможность всего невозможного.

Прошло три года, прежде чем я смог найти в интернете Твой идеальный облик, Тобою оказалась австралийка английского происхождения с интересным именем «Люка». Уже совпадение двух первых букв Твоего имени с ее указывали мне на некую мистическую связь между вами, не гово-

ря уже о вашем облике.

Конечно, за эти годы я чрезвычайно постарел и мне уже было гораздо сложнее рассчитывать на какую бы то ни было взаимность со стороны Люки, но уже само общение внушало мне серьезную надежду на наше с Тобой грядущее.

В душе я уже полностью индетефицировал Ваши с ней Образы, слил их воедино, и для меня Она была Ты, а Ты – Она.

Может поэтому я послал Люке письмо со своей старой фотографией десятилетней давности, на которой я скакал верхом на кобыле по глухой деревушке, где мы с тобой были в колхозе, от института, где вместе учились.

Ты, наверное, помнишь деревню Дорофеево, где все жители за исключением одного приезжего зоотехника носили фамилию Дорофеевы, и у каждой избы красиво возвышался колодец с журавлем.

Каждое утро красномордый, и с тяжелым от похмелья взглядом, шофер возил нас на грузовике с высокими бортами на поля, где мы по колено в грязи вместе со всеми убрали картошку, зато по вечерам недалеко от деревенского кладбища и ветхой церквушки мы жгли костер и рвали струны старой гитары.

Сколько песен было тогда перепето нами, сколько поцелуев и жарких объятий подарила нам ночь в теплом стогу у овина! И сколько дождей и гроз пронеслось после всего этого!

По какой-то странной и безумной случайности я отправил Люке свое фото вместе с письмом к Тебе, и получилось так, что я к ней живой обращаюсь как к Тебе, уже несуществующей в этом мире, но все же живущей в моем сердце.

Думаю, теперь она мне ни за что не ответит, а так хотелось бы, ведь Вы как две капли воды похожи друг на друга.

Наверное, мне надо все объяснить Люке, и быть может, она тогда поймет в чем дело, и простит. Правда, пока я раздумывал какое мне написать ей письмо, я уже получил от нее ответ. Люка вообразила себе, что я поэт, и поэтому мое письмо посчитала плодом фантазии и полетом творческого воображения.

Ей понравилось мое письмо, и теперь она жаждет встречи со мною. О, Боже, как же она разочаруется, когда увидит меня таким старым и безобразным. В уголках глаз и на лбу морщины, волосы все седые, крупные складки жира на всем теле. О, Боже, и ради чего я все это только затеял?! – Ради Тебя, родная! Только ради Тебя! Ты не веришь?!

Ну, что же, но я все же хочу убедиться, что в жизни возможно любое чудо, и что даже наша любовь может возродиться из пепла, объединив Твою Душу с Моей в Ее Душе.

Я понимаю, что выражаюсь очень сложно, витиевато, что мое понимание этого странного шага врядли что-нибудь Тебе объяснит, но у всех у нас есть своя Тайна, которую мы слышим и чувствуем, и пусть каждый по-своему, но в ней есть нечто большее чем наша земная жизнь, в этой Тайне,

если хочешь понять, спрятана сама Вселенная, ее огненная сердцевина, питающая своим теплом все темное и вечное, лежащее в снах...

Люка еще ребенок, ей нравится рассуждать о мировых проблемах, что наверняка было ею приобретено от какого-то любимого ею учителя или преподавателя. Например, ее очень волнует проблема глобального потепления. От кого-то она слышала или читала, что их Австралия должна уйти полностью под воду, как и Африка, а вот Россия, и вообще большей частью Евразия должна остаться на плаву. Странно, что ее это так волнует, ведь этого же еще нет, ну, а если и будет, то уж точно после нас. А после нас, как говорили древние, хоть потоп, хоть трава не расти!

Когда я написал об этом Люке, она обиделась. Бедняжка, она сама не знает, во что окунуться! Сразу видно, что ее еще не трогало пламя Любви, и хотя моя фотка ей очень понравилась, это еще ни о чем не говорит, к тому же она не видела меня в моем нынешнем возрасте.

И все равно, Ты постоянно приходишь ко мне по ночам и разговариваешь со мною. Тебе по душе мое желание слиться с Люкой, и найти в ней Твой пламенный образ.

Ты поддерживаешь меня, я это чувствую и знаю, но я Тебе скажу больше, мертвая, неживая, потусторонняя, ты стала намного мудрей. Твои слова как мед из сот, они проистекают из воздуха, сразу же глубоко зарываясь в меня.

Вчера я ходил к гадалке, мне было интересно, сбудутся ли

мои желанья – твои предсказания, какими ты заполнила мои сны. Гадалка сказала: сбудутся! И еще она слово в слово повторила Тебя, – «Любовь из мертвой вернется обратно в живую! Просто чудо, что она смогла Тебя повторить. Иногда у меня складывается впечатление, что Ты вмешиваешься в мою земную жизнь, чтобы насытить меня счастьем. Зачем, зачем Ты это делаешь?! Я боюсь Тебя, пусть и люблю, но боюсь, боюсь что Ты сможешь убить Люку и стать ею.

Мне жалко невинное дитя. Пожалей ее и Ты!

Пусть Вы похожи, но Вы не одно и То же! Я люблю Тебя, но я также знаю, что Тебя уже не вернуть! Зачем же я тянусь к Люке, Ты сама знаешь, я исполняю Твою волю, Ты меня приручила, будучи еще живой, и теперь я никак не отвяжусь от Тебя, мертвой! Такое чувство, что Ты все знаешь, и всеми управляешь! Особенно мной.

Мои мысли о Тебе запутывают меня, и я уже не знаю, как мне из Тебя выбраться, и стоит ли выбираться?! Почему в последнее время я неожиданно стал бояться Тебя?!

Наверное, потому что Ты можешь по ночам выходить из меня и беседовать со мной как живая. Причем, Ты настолько реальная, что никакие законы физики и всемирного тяготения не докажут мне, что Ты всего лишь галлюцинация. Галлюцинации не могут предсказывать нам нашего будущего, галлюцинации не могут спасти нас от гибели.

Как сейчас помню, 2 декабря прошлого года, когда Ты отсоветовала мне ехать в командировку, и вот я, по Твоему

совету заболел, а мой товарищ по работе, полетевший этим рейсом на самолете, разбился.

Выходит, Ты меня спасла! Но почему тогда Ты не спасла других?! И тот старик-компьютерщик, ведь это тоже был Твой посланец!

Это от Тебя он принес мне весть о Твоем подобии и желание найти Твое подобие во что бы то ни стало, разве не так?!

Люка открыла мне нового философа – Тейяра де Шардена.

Оказывается, этот человек сумел воссоединить науку, мистику и религию.

Его мистические воззрения гармонично переплетаются с трезвым научным анализом. Думаю, если бы он был жив, то смог бы мне объяснить Твое существование во мне.

Если по Тейяру существует единая эволюция космоса, приводящая к появлению человека, цивилизации и всей мировой истории, и божественная воля присутствует и процветает во всем, то и в моей жизни Ты неразрывно связана со мной божественной волей.

Сведение нас с Тобой в некий единый синтез, указывает на необходимость Любви и ее мистической связи, и по смерти возлюбленной, и между живым и мертвым эта связь существует как само Евангелие. Люка пишет мне, что томистская традиция исходит из существования трех «ступеней» умозрительного знания.

На первой располагаются естествознание и филосо-

фия природы, на второй – математика, а на высшей, третьей, – мистика и теология, представляющие собою связь науки и мудрости, охватывающие собой высшие цели нашего Бытия.

Тейяр смог обозначить эволюцию космоса как проявление божественной мудрости в самом сакральном значении этого слова.

Как религиозный человек, и философ, он ощущал некое несоответствие между незабываемыми религиозными принципами универсума и проблемами эволюции Вселенной, но это несоответствие является лишь выражением той самой преграды перед открытием вечной Тайны. «Великим открытием натуралистов со времен Бюффона, – писал Тейяр де Шарден, – было то, что жизнь, и земля обладают возрастом. С тех самых пор универсум перестал составлять массу и тип инвариантного...

Появилось прошлое вещей, так же как и их подлинное будущее перед лицом человечества». История по Тейяру рождается в эволюции природных процессов, но сама природа глубоко мистична, и ее нельзя объяснить просто с помощью того же натуралистического историзма.

Я знаю, что Ты мне хочешь сказать. По Твоему размышлению я пытаюсь отрешиться от страхов, которыми ты опутала меня, с помощью философии, которая неожиданно нашлась в письмах Твоего живого подобия!

Ты хочешь понять, что со мною происходит, но, однако

не пытаешься сгладить те глубокие разногласия, какие царят между мертвыми и живыми!

Допустим, что Ты установила вокруг меня, как вокруг своего мистического центра, какой-то свой невидимый иррациональный порядок, связывающий наше прошлое и настоящее в некую сублимацию будущего.

Но сможешь ли Ты, находясь по другую сторону мировой и божественной воли, открыть во мне эмпирический закон рекуррентности, выражающий последовательное возникновение Тебя во мне в течении всей моей жизни?!

И сможешь ли Ты, преодолев универсальную картину земного Бытия, воплотиться в свое живое подобие, в ту самую Люку, которой я, словно по Твоей указке, пишу сейчас очередное письмо, и опять вкладываю свою давнишнюю фотографию, вернее ее точную копию, только слегка отрезав от себя Твою милую и доверчивую улыбку?!

Девочка моя, что мы делаем с Тобой?! Разве мы сможем понять самих себя как порождение наивысшего божественного начала нашего универсума?! Своим ночным возникновением Ты постоянно порождаешь эффект огня, трансослепления, побуждая меня порою притрагиваться к Твоему несуществующему телу моими живыми пылкими руками, губами, всем существом.

Опять вспоминаю, как жадно целовал Тебя, юную под дождем на поле в стогу, и как потом под яркими звездами входил в волшебство твоей божественной плоти...

Это Тейяр сказал, что всякая энергия имеет психическую природу, правда вся фундаментальная энергия, по его мнению делится на тангенциальную энергию, связывающую элементы, то есть нас между собой, и радиальную, т. е. влекущую нас в направлении все более сложного и внутренне сосредоточенного состояния.

Так, если ему верить, наука сливается с теологией, земное с божественным, а я живой, с Тобою, мертвой, и именно поэтому сейчас вся Вселенная, весь наш универсум находится в состоянии пространственного расширения, с возрастающей концентрацией психического, усложняющегося и все более запутывающегося в себе потока радиальной энергии...

Тейяр смог преодолеть и архаичные догматы томистской онтологии, и марксистское учение о формах движения материи, он также смог дать концептуально-верное объяснение диалектическому самодвижению материи, находящейся в усложнении ее природы, как и усложнению самой божественной воли...

Чувствую, как Ты меня ненавидишь, особенно это мое увязание в философии с мистикой Тейяра де Шардена, но что я могу совершить в ответ на Твое возникновение Тебя в себе, я, естественная крупинка живого, несчастная половинка человечества?!

Вся наша жизнь есть борьба с безысходностью... В чем сходство меня – живого и Тебя – мертвой, не иначе как в обделенности, я обделен жизнью, как и Ты, только в отличии

от Тебя я сам осознанно отрезаю себя от всех...

Я помешан на мысли вернуть Тебя! Возможно, я влюблен не в Тебя, а в свое представление о Тебе, и даже не в представление, а в прошлое, связывающее нас до сих пор...

Вчера я расстался с объектом №6, я понял, что у меня есть Ты в образе найденной нами Люки... Люка еще не знает, что носит в своем облике Тебя, да и зачем ей это знать, пусть она будет такой-какой есть, естественной и наивной, Ты тоже была такой, пока Тебя здесь не стало...

Я знаю, что смогу преодолеть языковой барьер, с английским я всегда был в ладах, май дарлинг! Пугает меня другое, разница в возрасте.

Неужели я стал так безобразен, что вызову у нее отвращение к себе?!

Очень скоро Люка приедет в Россию, чтобы встретиться со мной, родители ее не отпускают, но она уже совершеннолетняя, и у нее есть деньги, которые ей дала бабушка, которая много лет назад была влюблена в русского, и может поэтому на уровне своего подсознания она хочет соединить свою внучку с русским... семенем...

Правда, я только отчасти русский, отчасти еврей, отчасти поляк, впрочем, кого это волнует?!

Как заметил профессор Вернадский, как бы кто не противился этому, кто бы как не жалел об этом, но вселенная рано или поздно все-равно перемешается между собой!

Вот если бы еще сбылось предсказание нашего великого

русского философа – Николая Федоровича Федорова, и мы научились воскрешать мертвых, возвращать их себе из другого мира, по маленьким крупицам, даже по их мыслям, заключенным в нашу память!

Ты опять нервничаешь? – Глупо нервничать по пустякам. Как я заметил? – Стекла стали подрагивать в оконных рамах от рассерженного ветра, вылетающего из Твоих невидимых губ, а из крана на кухне стали покапывать Твои слезы.

Сейчас Ты – сама Меланхолия! Вокруг меня крошечный мрак. Экран компьютера мерцает. Твой поцелуй лег на губах. Ты существуешь как живая! Кровь полыхает на лице. Защиты нет и дрожь легка.

Я в заколдованном кольце. И Ты во мне, как Смерть сладка! Ко мне опять приходил психиатр.

Этот сукин сын почему-то уверен, что я страдаю шизофренией. Просто в прошлый раз я случайно проболтался ему, что часто слышу в себе Твой голос, и теперь эта гадина пытается раскрыть во мне природу нашего с Тобой безумия, чтобы я провел остаток, быть может, самых лучших своих дней в клинике для душевнобольных.

Пал Палыч, так величают этого чертова специалиста, говорит, что раз я до начала болезни считался относительно нормальным человеком, то очень велик шанс на благополучный исход моего заболевания.

Представляешь, эта скотина нарекла Тебя болезнью, и никакой-нибудь, а шизофренией.

Пал Палыч уверяет меня, что мне в клинике будет намного лучше, поскольку там гораздо легче прогнозировать и оценивать мое состояние.

Однако, без моего личного согласия, меня, мол, никто туда не затащит, а поэтому он предлагает оформить от меня личное заявление о необходимости моей госпитализации! Представляешь, какие есть идиоты! И ничего удивительно, если большую часть своей жизни они проводят среди психов!

Тут уж поневоле волком завоешь!

Затем Пал Палыч предложил мне попринимать какие-то таблетки и оставил сразу три пачки, но я после его ухода сразу же спустил их в унитаз. Правда, кое-что, что он говорил, я все же запомнил. Пал Палыч, например, заметил, что известный психиатр Курт Шнайдер определил массу симптомов при шизофрении, назвав их «симптомами первого ранга».

Пал Палыч перечислил множество этих симптомов, но мне почему-то врезались в память только «слуховые галлюцинации, при которых «голоса» проговаривают мысли больного вслух, слуховые галлюцинации, при которых «голоса» комментируют действия пациента и тактильные галлюцинации, когда пациент ощущает прикосновение чего-то постороннего, а также «изымаение» мыслей из головы больного.

И так получается, что все мои действия осуществляются

под Твоим контролем, автоматически, т. е. симптомы Шнай-дера совпадают с моими ощущениями. Когда я все это услышал, мне стало немного не по себе.

В конце концов, можно любому нормальному человеку приписать шизофрению, что, впрочем, и делалось при тоталитарном режиме.

А потом, даже если и ощущать Твой голос, твои мысли и чувства как бред, придающий моей земной жизни какой-то особый, «скрытый» смысл, то зачем тогда вообще жить?! Разве не так, Люба?!

Разве Твой голос это бред моего больного разума, а сам я параноидальный шизофреник?! Так бы и хватил этого Пал Палыча чем-нибудь тяжелым по башке! Но не могу, увы! А то он тогда точно приложит все свои силы, чтоб запрятать меня в психушку! А так, я с Тобой, родная!

Поскорее бы приезжала Люка, тогда может мы вместе бы уехали с ней в Австралию, а там бы Ты снова появилась из Люки, вошла бы ее нежным телом в мою плоть и кровь, и все бы вернулось на круги своя!

Последняя моя неделя прошла как-то странно!

В понедельник я нарушил правила движения и вдребезги разбил свой «седан» «Ситроен» о фонарный столб, хорошо еще не задавил выбежавшую на дорогу старушку, да и подушка безопасности сберегла мою ничемную жизнь.

В этот же день я сильно напился и нашел себе объект №7 в привокзальном ресторане, который находился совсем

неподалеку от места происшествия. По телефону в полицию, я успел сообщить, что у меня только что угнали машину, а поскольку меня никто не видел, то все было в ажуре.

Объект №7 являла собою очень импульсивную и непредсказуемую женщину, а, судя по ее изрядно испорченной внешности, она была очень неразборчива в половых связях. Однако мне так захотелось напиться, и провалиться в любую бездну, и так раствориться в любом живом лице, что я тут же откушав с ней два литра водки, пригласил ее к себе домой, но дома я неожиданно расплакался, вспомнив Тебя, и стал выгонять №7.

Она руками схватилась за бронзовую ручку входной двери, и мне с большим трудом удалось оторвать ее руку от ручки и выбросить ее порочное тело на лестничную площадку.

Затем я провалился в глубокий сон, а под утро, проснувшись, обнаружил №7 спокойно храпящей возле моей кровати.

Во сне она крепко обняла ножку кровати, будто для нее она представляла какую-то безумную ценность, а потом Твой голос мне велел раздеть эту женщину и обмыть ее в ванной в горячей воде как ребенка с моим любимым «Бабушкиным» шампунем из пшеницы с овсом.

Даже спросонья №7 жестоко сопротивлялась, но Твоя воля заключенная в моих руках, в моих пальцах и во всех нервных окончаниях была непреклонной.

Опустив ее в ванну и набрав горячей воды, я, как заведен-

ная в холодной реальности кукла, с тупым равнодушием термочалкой с шампунем ее уродливое порочное тело, и думал о том, что Твоя воля, Твое желание иногда бывает просто непредсказуемым, как впрочем, и сама моя жизнь, в которой мне почему-то все время достаются самые ужасные роли.

Насухо вытерев №7 и обернув ее своим байковым халатом, я усадил ее за стол и насильно, так как она не хотела и сопротивлялась, поил ее чаем, хотя она просила водки. Также против ее воли я пихал ей в рот хлеб с маслом и земляничным вареньем. После завтрака я привязал ее веревкой к кровати, как повелела Ты.

Я понял, наконец, Твою блаженную мысль, Ты с моей помощью решила излечить эту женщину от алкоголизма, и на протяжении многих дней отрезвить ее разум, рассудок настолько, чтобы она смогла наконец почувствовать в себе, как и в своей никчемной жизни хоть какую-то великую цель.

Первое время №7 кричала до хрипоты, а я заглушал ее крики музыкой Вивальди, которую крутил на ноутбуке, дабы не только заглушить №7, но заполнить ее душу прекрасной гармонией, какой разливалась мелодия Вивальди.

Для усиления звука, пришлось подключить мощные бэковские колонки, отчего вся комната дрожала и вибрировала словно во время землетрясения.

Через некоторое время я догадался заковать №7 в самодельные наручники и привязать на замок цепью к батарее.

Поскольку ее речь большей частью носила бессмыслен-

ный и бессвязный характер, то я приучил ее каждый день по слогам повторять Твое имя, таким образом я приобрел №7 к Твоему Культуре.

В центре комнаты, где жила, ела и испражнялась в горшок №7 я соорудил из кресла алтарь, сначала покрыв его белой простыней и водрузив на сиденье Твой портрет, который я писал ночью по памяти цветными фломастерами.

Теперь №7 должна была поклоняться Твоему облику, пусть немного и измененному мной, что она исправно делала каждый божий день, не забывая по моей указке зажигать стоящие по окружности поминальные свечи, бенгальские огоньки и курительные ароматные палочки.

Так вот постепенно я понял, что Ты от меня хотела, Ты хотела, чтоб я никогда Тебя не забывал и поклонялся Тебе всю свою жизнь, все равно моя жизнь была без Тебя дерьмовым соотношением прозы к сухой действительности, которую я лишь изредка поливал своей грустной влагой или животными слезами и всхлипами №7, из задницы которой я все-таки сумел высечь кожаным ремнем искры, чтобы почувствовать собственную скорбь по Тебе с помощью этого чужого почти обезчеловеченного создания.

Это Твой голос, милая, в №7, звал меня в свой-мой портрет, и я исчезал в нем от всех мирских соблазнов, я рыдал вместе с №7, овладевая ей исключительно, чтобы вспомнить Твое волшебное лоно.

Лонно №7 было более широкое и влажное чем у Тебя,

но оно наполняло меня иногда такой невыносимой гордостью за одно лишь то, что я сумел с ее помощью, а главным образом с помощью Твоего голоса, звучащего – орущего в ней и совсем немного говорящего во мне, превратить свою жизнь в чудовищный фарс, ибо всего через месяц я обрюхатил таки №7, и решил если будет девочка, назвать ее Твоим Именем, и поклоняться уже не твоему мертвому и холодному портрету, а Твоему живому подобию, ибо все вы женщины – суки, и поэтому так все очень схожи между собой!

А еще через 8 месяцев родилась Ты, т. е. Твое живое подобие! Как я плакал, ползая на коленях перед Твоими крошечным созданием, хваля Бога за то, что он вернул мне Тебя в ней, в жалкой особи порочной нашей связи с безумно-отрешенной и лишенной воли №7.

Вскоре мне уже не понадобилось держать №7 на цепи, ибо ее любовь к Тебе, мое драгоценное создание, была такой безумной, что она уже машинально глотала пищу в свой рот, и все чаще подставляя сосок своей громадной груди Тебе, Мое Божество!

Боясь отойти от Твоей кровати, она мочилась, как и Ты, мое волшебное дитя, только Ты это делало по своему неразумию, от страха перед совокуплением, а №7 исключительно по своему безумству.

Кажется, она боялась, что кто-то украдет Тебя у нее, и тогда она, №7 опять будет шататься по привокзальным ресторанам, но сейчас ей этого уже не хотелось, сейчас она бы-

ла другой, неожиданно прекрасной и загадочной, как всякая кормящая мамаша...

Постепенно я обрел Тебя в ней, т. е. в них, в моих святых – в Матери и в Ее прекрасном Ребенке, и мир снизошел на мою бедную Душу, и понял я, что все здесь происходит от Великой Любви и не менее Светлой Печали, и теперь просил Бога об одном, чтобы он нас всех свел в одном Едином Царстве, и чтоб мы все вместе, объединенные Теплом Его Живой Любви и Светом искренней Печали, осуществили все мечты свои и бесконечно их осуществляли!

Магическая женщина

Мне никогда не нравилось сливаться с интерьерами темных комнат или ночных пейзажей, украдкой идти на цыпочках по незнакомым местам и хватать чужие вещи, присваивая их в тот же миг, не испытывая при этом никакого страха или стыда...

И если иногда я страшно нервничал, дрожа как суслик, под наркозом, и весь покрывался холодной испариной, то лишь на какую-то секунду, потому что рядом со мною была она, женщина, которая одним движением своих магических глаз околдовывала меня и делала ручным, послушным зверьком...

– Складывай, – сказала она и протянула мне сумку...

Дотронувшись до нее, я опять перестал верить существующей реальности... Вещи, как ненужный дурман, обволакивали меня, но она звала...

Ее обворожительный голос был слышен за тысячу верст...

Она просто наслаждалась своей властью надо мной, как и над теми же беззащитными вещами, которые мы с ней крали...

В это время я сходил с ума и овладевал ею здесь же, в незнакомом здании, словно похищенной мной вещью...

Она ощущала почти то же самое, водя своим нежным языком по моим дрожащим векам... Блаженная усталость

не знала стыда под тонкими пальцами двух воров-любовников... Так продолжалась целая Вечность...

В самое темное время полуночи чувствуешь себя здесь заживо схваченным и проглоченным... Ее дыра, словно бездна, с пугающим всхлипом возвещала мой собственный конец... Молодой, красивый наездник на скачущей лошади в лунных изгибах волос на ее лобке, завоеванный солнцем...

Краденое лежало сзади в пыли... Кругом следы отпечатков и тайного страха... Стыда за себя, без которого нет и тебя...

Потом мы едва оторвались друг от друга и очнулись... Внизу выла сирена... Несколько милицейских машин стояло перед входом в здание...

Кучка невидимого народа, совещаясь о нашей поимке...

Вещи сразу же стали не нужным хламом, как и все остальное...

Она еще пыталась бежать по коридору с двумя сумками, но я ее остановил, я как механические часы, заведенные собственным боем, сумел уже заранее создать картину нашего побега...

– С той стороны пожарная лестница и овраг, – крикнул я и, схватив ее за руку, точно выверенным шагом побежал направо по коридору...

Внизу уже гремела чья-то обувь по лестницам и раздавались тревожные крики... Окно не открывалось, пришлось стекло разбивать ногой...

Свежий ветер растрепал наши волосы...

Я первый повис на пожарной лестнице, протягивая ей руку...

– Я боюсь, – прошептала она.

Тогда я без слов потянул ее на себя, и она повисла на мне как ребенок...

Еще немного, и мы оба рухнули бы вниз...

– Еще чуть-чуть, и мы бы свалились, – сказал я.

Потом мы спускались... Она все время держалась за меня, а не за лестницу, одними ногами нащупывая железные прутья...

С этой стороны здание ничем не освещалось и погружалось вместе с темнотой в овраг... Фасад здания как бы завис над глубоким оврагом...

Наконец, последняя ступенька, ведущая в глухую и безбрежную темноту...

– Прыгай, – сказал я.

– Я боюсь, – ответила она.

Тогда я обхватил ее и, резко оторвавшись от лестницы, прыгнул вместе с ней...

– Ой! – вскрикнул я, – о, Боже, я сломал себе ногу...

– Ты лежи, а я обязательно приду за тобой, я скоро, – это последнее, что услышал я от нее...

Меня взяли по-глупому... Нашли как скулящего щенка в бурьяне..

Боль была нестерпимой – открытый перелом... Хотя это

ненадолго отдалило меня от серого и унылого мира тюрьмы...

На суд она так и не пришла, видно, испугалась...

Судья торопливо зачитал приговор, на меня одели наручники, потом мне что-то сказали конвойные и повели, а за спиной осталась она, моя магическая волшебная женщина, и три года, таких красочных и милых года такой искренней и пылкой по-юному жизни...

Побег

Дождь помогал нашему побегу... Мы бежали сломя голову, не обращая внимание даже на мясо, выдираемое из наших тел колючей проволокой...

Солнце еще не вышло из-за горизонта, когда мы уже покинули зону...

Самый молодой из нас, Слон, радостно пожимал всем руки, хотя мы еще окончательно не почувствовали свободы...

Старый Ешка тревожно молчал и постоянно щурился... Годы проведенные на урановых рудниках превратили его в полуслепого крота...

Овчарка пущенная по нашему следу была тут же убита стальным полотном от сварки и заботливо схвачена за лапы, и унесена нами в лес...

Мы прошли не одно болото и только к полудню расположились на берегу какой-то лесной речушки, и сразу же развели костер, и освежевав собаку, как следует изжарили в ее на углях...

Наспех проглоченная и не до конца прожаренная, она все же распространила по всему телу то самое драгоценное тепло и блаженство, какое я уже не ощущал несколько лет... Правда, собаки хватило ненадолго и уже к вечеру мы были опять голодны... Дикая звери, как назло не ловились...

Огромные полчища комаров густым покрывалом жи-

лись на наши тела и даже сквозь промокшую от пота ткань жалили нас нещадно своими кровососущими иглами...

Слон уже гнусно стонал и все уже откровенно презирали его за навязчивую и ничем прикрытую слабость, в которой боялись признаться сами себе...

Через неделю лютого голода мы стали тянуть жребий...

Никто не хотел умирать, но все мы страшно хотели жрать...

Жребий достался Слону... Он так сильно испугался, что тут же побежал от нас по трясучему болоту, пока не провалился в него и полностью не завяз, исчезая в его бездонной хляби с безумными криками...

Мы же с глубочайшим сожалением раздумывали о нашей драгоценной пропаже...

Ночью я проснулся от внезапного шороха с потрескиванием старых лежалых сучьев... Кто-то явно и хитро крался ко мне, держа в руках все то же самое стальное полотно от сварки...

Я тихо уполз со своего места под густую ель, а потом вскопчил и побежал...

Дикие крики огласили темную чашу... Вскоре я был уже далеко...

Страх сделал меня легким оленем... Я перепрыгивал с кочки на кочку, совершенно не ощущая своего веса...

Потом я полз уже на брюхе по мшистым дрожащим бугоркам, сквозь которые рос один только болотный мирт да

багульник...

Через несколько дней я все же сумел добраться до железнодорожной станции и сел в товарняк...

По пути вагоны часто проверяли и мне приходилось зарываться то в песок, то в уголь, но было лето и было тепло...

Ближе к осени я добрался до дома и меня тут же арестовали...

Мать от радости, увидев меня, умерла, а за побег мне добавили еще два года...

Оказавшись снова на зоне, я узнал, что, не поймав меня, они съели старого Ешку, а потом, когда их тоже арестовали и доставили на зону, то их всех до одного убили свои же...

Но меня опять почему-то тянет на побег, скоро будет лето, а душа всегда рвется на свободу, и ее не остановит ничто, никакие страхи, быть убитым или съеденным как Ешка...

Психическая атака 13

*«Рече безумен в сердце своем: несть Бог»
13 Псалом Давида*

Мамзель Туринов добралась наконец до места, где обнаженные тела вытряхиваются наружу.

Каждый невозможный беспокойник залпом осушал ее раскрытые уста и мимоходом рассказывал ей про какие-то вечные содрагания, которые вываливаются прямо из неба и с шумом проносятся по всем человеческим красотам.

От таких рассказов мамзель Туринов падала в обморок и с глухим воплем следовала в давно истерзанную ее страстным любовником постель.

Любовник Емс натирал свое бледное тело гусиным салом и не дождавшись из потусторонней прогулки мамзель Туринов, бежал соглашаться с кем-нибудь выпить.

На этот случай у него всегда посреди цветочной клумбы лежал охающий Ешка. Ешка мгновенно из огромного плаща доставал бутылку русской водки и с сердечным замиранием благородно выливал ее в острозубую пасть Емса.

Иногда Ешка с каким-то взеземным урчанием облизывал сочащееся гусиным салом тело Емса и сразу же валился обратно в клумбу разглядывать свои невероятные сны.

В его снах часто бегал таинственный нравственник и глу-

бинный мудросеятель Псевдолог Заточившийся, который скакал по всем головам как неизвестно откуда взявшийся резвый старичок, злободневно мелькая во всех отражениях, Ешки и сурово призывая его отречься от собственного эгоизма, на что Ешка просыпался и долго ворочался в клумбе, пока опять не засыпал и не проваливался в цепкие объятия Псевдолога Заточившегося, который на этот раз не просто призывал его на душевный подвиг, а уже сам нелепыми галлюцинациями вроде нервного Емса одиноко торчащего из резко очерченного тела мамзель Туринов и торжественно нашептывавшего 13 псалом Давида.

– Внегда возвратит Господь пленение людей своих, – говорит дрожащий Емс и хватается как за поводья за рыжие волосы мамзель Туринов, которая лежала с еكدва приоткрытыми глазами, и ни о чем не думала.

– Любящий неправду, – любит себя, – рычал в глаза Ешки незатихающий Псевдолог Заточившийся и тут же забрасывал его сонное размякшее тело в постель мамзель Туринов, откуда Емс часто сбегал дрессировать в поле кузнечиков.

Он учил их прыгать со своих приподнятых ладоней назад в траву, и при этом так широко улыбался, что можно было подумать, что еще немного и он научит их плавать. Было поздно, когда Перьев выпал из окна, опять, как вчера, Перьев любил выпадать из окна, поскольку всегда чувствовал у себя в душе необыкновенный праздник.

В это время от думал, что он – птица, а может даже что-

то и полегче ее, главным для него было поддержать у всех мнение, что он летает. Ведь каждый его полет мог вызывать улыбку у всех, кто был в это время грустен и уныл.

Люди заходили в него и выходили обратно, но что-то главное всегда оставалось и принадлежало только ему, Перьеву как тишина души, как ветер крылатых надежд, убивающий всякие постыдные помыслы, а их у Перьева было много как самой плоти, ибо всякое, «ить» требует себя воплотить, поэтому Перьев и залетал словно ангел небесный, порою предлагая себя как утешительное украшение опять же всякой согрешившей твари.

Мамзель Туринов укрощала свою дерзкую страсть подобно дикой тигрице, зубами она рвала подушку с одеялом под несчастным Емсом, которого посетила детская болезнь – старческое уныние вместе с желанием совокупиться с самим собой. Псевдолог тщательно рассматривал сквозь замочные скважины все их мятежное неприличие и сам становился стыдливо обнаженным предметом, чья округлость угадывалась не только в его сильно развитой голове, но и все другие конечности выступали как самые греховные орудия размножения.

И нагнулась ось неба, и выбежал оттуда заяц, и проскочил он сквозь дерево и выпал оттуда голым камнем, и родился вместо всего этого Псевдолог, чья интуиция нашла себе символ во всем земном облике, но облако растаяло и стал Псевдолог жить только во сне спокойно и никому ненужного

Ешки.

Ешка готов был жестоко биться за правду, но совершенство его благоразумия всегда лежало ненужным хламом в клумбе и сожительствоvalo исключительно с цветами.

Цветы хихикали на Ешку и часто расстраивали и без того его хищное воображение.

– А что если я пуп Земли, – думал Ешка, и с наслаждением зарывался в землю, и там, среди прелых листьев и червей он чувствовал себя вправе вести эстетический спор хоть с самим Господом Богом.

Однако невоздержанный Емс часто будил Ешку, и доставал из него персонально закрепленный за ним алкоголь.

В это время Ешка должен был заливать алкоголь в ненасытную пасть Емса и рассказывать ему очень неприличные анекдоты, подобострастно хохотать и закатывать к небу глаза.

– А вы никогда не чувствовали себя пустым. – говорил вдруг Емс и мгновенно засыпал в ногах у Ешки.

– Неприлично думать обо всех прилично, – говорил Псевдолог Ешке и на его глазах страстно сжимал беззащитное тело спящего Емса.

– За что вы его? – пугался Ешка, и становился от страха на четвереньки.

– За возбуждение души моей, – кричал иступленный Псевдолог и тут же молча уходил, удовлетворенно зажимая в своей осанистой руке вырванный клочок волос постанываю-

щего во сне Емса.

Было ясно, что надо было чему-то учиться, хотя бы в силу своего лично истребления, поэтому поэт ЭР выходил ночью из дома и становился на край самого крутого обрыва, где он любил дышать бурями, отлетая в область Неведомого.

Где-то там на чистом кладбище, вокруг которого так часто прячется безрадостный мусор, и где трудно во что-то верить и все время тянет смотреть на часы, меж разбросанных спиралей цветов и разбитых фонариков бродит грустная Эль и смотрит на искрящийся дождь бенгальских огней давно улетевшей зимы...

– Даруй мне чистую совесть, – шепчет она на свежую могилу и осеняет себя перстом, облеченным в крестное знамение.

Небо заболело и осунулось холодными тучами.

Кто-то неизвестный весь светился солнечным воздухом, чтобы поддержать его у самой тьмы.

– Здравствуй, мой грешный сообщник, – сладострастно улыбнулась мамзель Туринов поэту ЭР, и тут же облизнула кончиком языка свой изящный профиль.

Поэт ЭР со вздохом созерцал ее вакхический номер и как будто совсем не свою, обманчивую внешность в зеркале, потом засмеялся, ощущая с тревогой собственную непристойность и пытаясь разогнать грусть, он стал опять читать свои стихи, пропадая между ног мамзель Туринов.

– О, как трудно понять твои лихо закрученные образы, –

с томным блеском в глазах мамзель Туринов раскрывала по-эту эР свое хищное отверстие.

– А что тебе вообще нравится?! Пробормотал поэт эР, обхватывая ее волосатые ноги.

– Вы меня не звали, – открыл ногой дверь хихикающий Емс.

В его руках блеснул перочинный ножик и все было ясно.

– Они умерли ради нас, – всхлипывал пронзительный Ешка, обнимая пьющего Емса.

– Ой, как я ненавижу себя! – кричал пьяный Емс, теребя Ешку за волосы.

– Этого и следовало ожидать, – хихикнул любознательный Псевдолог, выглядывая из-за кустов...

– Я не буду Вашей никогда, – кричала мамзель Туринов, отбрасывая от себя ногами пылкого Псевдолога.

Ешка еще раз обнял на прощание стыдливого Емса и пошел поить Машку.

Машка опять похотливо зачесалась рогами о большой круглый живот Ешки.

Везде пахло звериной шерстью и ужасно хотелось молока.

– Ме – ме – , ребеночек, – заблеяла Машка и повалила рассеянного Ешку на траву.

И долго терлась о него своей пушистой мордой как о козленочка.

Оторванная и случайно носящаяся по ветру былинка со странной неизбежностью залетела Ешке в нос и чихал он

до слез долго и думал только о ней, оторванной и случайной, и чем, кем она была, пока не залетела ему в широкие ноздри.

Поэта ЭР опять измотала крошечная тьма. Он как часовой на посту стоял у окна ипил снотворное, которое ему не помогало.

Мамзель Туринов ничего напоследок ему не сказала, а пьяный Емс два раза ткнул ножом в сердце и даже не извинился.

– Никакой романтики, – тоскливо подумал поэт ЭР и безвольно упал в кровать.

Было по солнечному радостное утро, когда Ешка и Емс пришли проводить в последний путь поэта ЭР. Мамзель Туринов закатывала куда-то далеко свои голубые глаза и вела за руку притихшего Псевдолога.

Перьев летел высоко над миром и ничего уже не видел.

Поэт ЭР задумчиво сидел, и мучительно долго писал свое поэтическое завещание.

Множество великовозрастных потомков топтались у его дверей и с тупым пристрастие прислушивались к его заключительным вздохам.

Все было не так уж и плохо, только какой-то случайный негодяй все же забрался к поэту ЭР через слуховое окно и взял у него интервью.

После этого нетерпеливый Емс обдав всех собравшихся совершенно непонятным перегаром почти незаметно проскользнул в комнату, где еще несколько раз спокойно и мол-

чаливо ткнул поэта ЭР ножом в сердце, на что поэт ЭР только предательски закричал черт знает что такое и упав с кресла, улетел в иные миры, как сорванная ветром былинка...

Напуганный Емс побежал следом. В его глазах было наломано много дров и думать было вроде бы не о чем, хотя мамзель Туринов знала, что любая казнь заглушает творческий испуг – быть собой.

Вскоре поэту ЭР поставили прекрасный памятник из белого мрамора...

Однако простоял он недолго, какой-то сумасшедший террорист ужасно влюбленный в поэзию поэта ЭР, взорвал памятник, чтобы потомки не смогли запомнить его великого кумира, который никому не был нужен, и которому никто тоже был не нужен, но который все время что-то писал и учил других людей больше все ценить свое Одиночество, прошу прощения, что не Отечество.

Мамзель Туринов в последний раз проплакала на обломках памятника и от разбросанного праха поэта ЭР тут же на кладбище благополучно родила ребеночка, хотя никто не исключал того, что ребеночек все же появился от несчастного Емса, хотя вполне возможно, что его отцом был все же благополучно отлетевший туда поэт ЭР.

И все же у многих скопилась в мыслях надежда, что безвременно ушедший от нас поэт ЭР, так или иначе, со временем станет не только великим поэтом, но и символом всей нашей предполагаемой культуры, немного отодвинув

в глубь прошлого уже слегка поднадоевшего и осточертевшего, но такого же великого поэта Пэ... Которому поэт эР тоже от скуки посвятил множество поэм и сонетов... Отрывок одного из них звучит приблизительно так

«Ты много видел мой таинственный отец, (имеется в виду отец ненастоящий, а чисто духовный)

Тебя, увы, никто почти не понял,
(у поэтов вообще сознание очень затемнено)

Иных миров посланец и певец,
(поэты часто ассоциируют провоцируют себя с певчими пичугами)

Промчался вихрем ты иль мимолетным огнем.

(мчатся в поэзии или гореть обыкновенная привычка вдохновенных особо)

Лишь мать мою стремительно ты поднял

(имеется в виду опять таки ненастоящая мать, а Природа-матушка)

В ту высь, которую никто из нас не знал,

(у поэтов просто темнота одна в голове)

Создав из чувств ее бездонный идеал,

(в поэтах часто встречается идеальная бездонность)

Ты из нее мой облик изваял...

(поэты вообще любят все время что-то лепить, поэтому на блатном языке их всех зовут как следователей лепилами)

К сожалению никто из людей так и не узнал, что рядом с ними живет и творит величайший словонаследник поэта

ЭР, поскольку все свои стихи он отдавал только мне, и только на некоторое время, тайком, чтобы его тоже ненароком не убили, так как в России стало уже давно печальной традицией убивать своих великих поэтов, дабы потом их, как следует, возвеличить!

Может поэтому глядя изо всех сил на печальный пример своего опять таки ненастоящего, а духовного отца, он считает, что большинство великих людей уходит из этой брэнной жизни опять-таки по причине своей же бессмысленной великости..

Так или иначе я проникся должным уважением к стихам никому неизвестного «сына» поэта ЭР, который также взял себе никому неизвестный псевдоним своего отца, для того, чтобы хоть иногда в ночной звездной мгле читать свои стихи таким проницательным и весьма одаренным людям как я...

В прострации

Все началось с легкого недомогания. Постепенно нарастало головокружение. Тут пришла на память и женщина с мужским лицом, и все прочие хартеевские ужасы...

В общем труп лежал перед глазами и его надо было резать... Разумеется с живота – с жизни, с этой эклектичной эмблемы – поедания себя всем остальным миром...

Руки как всегда дрожали и не слушались... Хотелось еще какого –нибудь маразма, хотя и это было уже чересчур...

На розовом брюхе наивно росли маленькие седые волосики... Труп старого человека благоговейно молчал, ожидая новые порции моих удрученных вздохов... И чего ему не жилось... И какого Бога или черта?!

Наконец холодный металл сам собой связал мои трепещущие руки и его онемевший живот...

– Ыр, ыр, ыр, – стонало все его туловище, едва вздрагивая от моих идиотских прикосновений...

Кажется я ненормален, если так хочу его резать, и потом любопытство уже перерастает в страсть, и делает меня рабом своего положения...

Я уже ни о чем не думаю и просто наслаждаюсь тем, что я еще жив и могу спокойно резать этот разлагающийся труп, дабы почувствовать себя намного старше и мудрее, чем я есть на самом деле...

Неожиданно я слышу его глуховатый голос и весь обливаюсь потом...

– Делай со мной, что хочешь, все – равно уже я далеко, – говорит он.

Вот это да, я уже своим ушам не верю, сердце не успевает следить за своими ударами, глаза почти ничего не видят, а Душа вообще в полной прострации

– Нет, молодой человек, вы никогда не будете врачом, – слышу я за спиной суровый голос и облегченно снимая с себя белый, но уже забрызганный кровью халат, выхожу из морга и с радостью гляжу на живых, проходящих мимо меня людей...

Атеист

Между прочим, еще совсем недавно со мной случилась целая трагедия! Представьте себе, что я лишился правого уха, а вместе с ним своей жены и даже любовницы, которую любил уже много лет. Все случилось как-то банально и нелепо, и я бы добавил еще пошло.

Какой-то пьяный хулиган, к тому ревнивец спутал меня с любовником своей жены и отгрыз мне правое ухо.

Конечно, у меня была любовница, но только моя жила рядом с ними по соседству, на одном этаже, а поскольку я был немного подвыпивши, то спутал двери и позвонил не туда, куда было нужно, и как назло их, т. е. мою любовницу и его жену даже звали одинаково, – Клара...

Возможно, что еще мое пьяное слегка невнятное бормотание с лукавым подмигиванием левого века, а на самом деле нервного тика, произвело на этого негодяя, я бы сказал, не совсем выгодное впечатление, но так или иначе этот острозуб впился в мое несчастное ухо и одним махом, напроць отделил его от остальной части головы.

Что ж, я не раз, и не два убеждался в том, что вся моя жизнь это очень глупая и бессмысленная штука!

С чувством глубокого сожаления я подобрал кусочек своего отгрызенного уха, завернул его в полиэтиленовый пакет и тут же побежал в больницу, но было уже поздно, так что

назад моего уха, мне, так и не пришили...

Тогда я, будучи чрезмерно перевозбужден и оскорблен во всех своих достоинствах, неожиданно услышал циничное хихиканье отказавшего мне в помощи врача, и будучи от свалившегося на мою голову несчастья почти в невменяемом состоянии, неожиданно вцепился в ухо врача и сумел ему показать свой изощренно-дьявольский характер, т. е. тоже отгрыз его правое ухо, чтоб он, сволочь, не смеялся над несчастным больным...

Вот так я и попал в сумасшедший дом, вот уж не думал, не гадал!

А тут еще моя дражайшая половинка взяла да развелась со мной на вполне законных основаниях, как с дураком, даже без суда, да и Клара моя тут же нового хахалю себе завела, распростилась со мною? курва!

Даже из психушки не попыталась вытащить! Так что все в моей жизни сразу пошло кувырком и из-за Клары-соседки и из-за гада – ее мужа, который ни за ни про что отгрыз мне ухо, и даже из-за моей капризной супружницы, из-за которой я часто к Кларе бегал, и из-за сладострастной Клары, в общем, все стали моими врагами, даже тот самый врач, у которого я из-за его дурашливой смешливости его ухо отгрыз!

Однако, именно та самая злость, какую во мне они породили подтолкнула меня на такие изобретательства, что уже через полгода я сбежал из этого мерзкого заведения, набросив на себя белый халат врача и приклеив себе под нос

жалкие рыжие усики главврача Семена Давыдовича Титца, а также раздобыв у одного олигофрена солнцезащитные очки, а у одного санитаря белый колпак, прикрывший мне кусок моего недогрызенного до конца уха, я наконец благополучно вернулся обратно в цивилизацию!

Оказавшись на свободе, я еще полгода добывал себе паспорт с пропиской, пока окончательно не изменил своей внешности и не обзавелся новой семьей и новой работой.

А вскоре, когда я уже окончательно пришел в себя, то стал мстить подряд все своим врагам, которые по моему мнению сыграли в моей ужасно бессмысленной и жестокой судьбе самую роковую участь.

Ну, во-первых, я подстерег как-то поздно вечером того самого грызуна, который лишил меня моего уха и отрезал ему не одно, а сразу два уха, воспользовавшись при этом самым обыкновенным перочинным ножиком.

Жене, так быстро предавшей меня и расторгнувшей в одностороннем порядке наш священный брак, а затем также быстро вышедшей замуж за другого постороннего, я поджег не только ее квартиру, но и весь дом, чтобы люди пусть и немного знавшие ее тоже исчезали!

Своей Кларе, так бесстыдно забывшей и бросившей меня на произвол судьбы в психушке, я незаметно поломал рулевые тяги на ее черном Мерседесе, в результате чего она перевернулась вместе со своим новоиспеченным муженьком и стала пожизненной инвалидкой без обеих ног!

Того самого жалкого врача, которому я нечаянно отгрыз ухо, я особо мучить не стал!

Я просто проткнул его в кабинке лифта быстро бабулиным шилом и благополучно растворился в темноте многомиллионного города, который, кстати, вскоре покинул, выехав со своей новой избранницей в чародейные красоты южного Крыма, где мы купили себе небольшой домик на побережье Черного моря, и где теперь ваш покорный слуга выращивает кактусы!

Самое интересное, что меня никто до сих пор не поймал, может, поэтому я не верю ни в Бога, ни в черта, и вообще ни во что не верю, хотя моя Степанида, ненаглядная супруга моя, с которой я уже, как год и 2 месяца и 5 дней состою в законном браке, говорит, что я – просто наивный атеист...

И это абсолютная правда, ведь только атеисты не верят в Бога и надеются исключительно сами на себя!

Чистые отношения

– Что вы здесь делаете?! – закричала она, только переступив порог своей квартиры и увидев невозмутимо сидящего в комнате на диване своего сослуживца – Ивана Алексеевича.

– Я и сам не знаю, что я тут делаю, – глупо улыбнулся в ответ Иван Алексеевич и развел руками.

– Но как вы попали в квартиру, Иван Алексеевич?! Сейчас же муж придет! Вы, что, с ума сошли?! Спятели?! – запричитала она, бросая пакеты с сумкой на пол.

– Я не знаю, как попал в вашу квартиру и не надо меня оскорблять! – глубокомысленно вздохнул Иван Алексеевич и почесал свой нос.

– О, Боже, как все глупо, нелепо и бессмысленно! – она обхватила руками голову и присела на диван вместе с Иваном Алексеевичем.

– Да, я пришел, извините, что не предупредил вас, да, у меня случайно подошел ключ к вашему замку, но вы, извините, уже целую неделю игнорируете меня! Избегаете и не отвечаете на мои звонки! И это после всего, что с нами было! – возмущенно выкрикнул Иван Алексеевич, ударя себя кулаком в грудь.

– О, Боже, – уже тихо прошептала она, – ну, подумаешь, поцеловала я вас один раз, ну, пьяная была, ну, потанцевала

с вами разок! С кем не бывает?!

– Ничего себе поцеловала?! – громко рассмеялся Иван Алексеевич, похлопав ее по обнаженной коленке, – если бы только поцеловала, я бы уж сюда не присандалил, уж это точно!

– Какой ужас! – она всхлипнула, опустив от стыда голову.

– А это еще кто?! – в комнату стремительно вошел ее муж.

– Это?! – вздрогнула от страха она, – это мой сослуживец,

Иван Алексеевич!

– Ну, что ж, давай выпьем за знакомство! – сразу же предложил муж, доставая из пакета бутылку водки.

– Я не откажусь, – с улыбкой поглядел на мужа Иван Алексеевич.

– Ну, и прекрасненько! – и муж обрадовано раскупорил бутылку, кивком головы приглашая Ивана Алексеевича за стол.

Они уже сидели и выпивали за столом, а она боязливо глядела на них из-за двери.

– А меня, кстати, Борисом зовут, – протянул руку Ивану Алексеевичу муж, и они выпили за знакомство. Вскоре они уже повеселели и болтали друг с другом как близкие друзья.

– Ты на этих баб, Иван Алексеевич, не обращай никакого внимания! Я тебе скажу так, что они только с виду все цапочки, а на самом деле это такие курвы! – и Борис сделал руками неприличный жест.

– А как же ваша жена?! – покраснел Иван Алексеевич.

– А моя жена вообще бл*дь! – хрипло засмеялся Борис, приобняв немного смутившегося Ивана Алексеевича.

Жена Бориса тут же с укором поглядела и на мужа, и на Ивана Алексеевича.

– Ну, насчет жены, вы, кажется, погорячились, – осторожно заметил Иван Алексеевич.

– Бл*дь, она и есть бл*дь, – еще громче засмеялся Борис, – не так ли, Алла?!

Алла по-недоброму взглянула на него, но промолчала.

– Вы, уж, извините, но у нас с Аллой чистые отношения! – своим неожиданным признанием Иван Алексеевич тут же прервал смех Бориса.

– Чистые отношения?! – ехидно и как-то зло переспросил его Борис.

– Да, совершенно чистые! – утвердительно кивнул Иван Алексеевич.

– Ах, ты, сука, и с этим уже перепихнулась?! – вдруг кинулся на жену с кулаками Борис.

Иван Алексеевич медленно встал из-за стола, также спокойно подошел к Борису и ударил его кулаком в нижнюю челюсть...

Пьяный Борис тут же растянулся посреди комнаты...

Алла вдруг, с оглушительным ревом, вцепилась в волосы Ивану Алексеевичу, громко и оскорбительно ругаясь матом...

Иван Алексеевич брезгливо поморщился и с большим

трудом оторвал от себя эту сумасшедшую и уже опостылевшую ему женщину...

И опрометью кинулся из квартиры...

На улице ярко светило солнце и сладостно, и нежно пели птицы, цвели деревья, и шли радостные улыбающиеся люди, и у всех действительно были чистые отношения...

– А все-таки, она, и вправду, бл*дь, – вслух и с глубоким судорожным вздохом подумал Иван Алексеевич и быстро, не оглядываясь, зашагал от злополучного дома...

Рудольф Б. Манхейм

и его наука выживания

«Человек – самое ужасное и мерзкое, одним словом, одномоментное существо»

Рудольф Б. Манхейм.

«Искусство выживания»

«Пессимизм – последняя стадия человеческого размышления основанная на отрицании существующей реальности через себя.»

Рудольф Б. Манхейм.

«Искусство выживания»

«Я выбрал тебя, чтоб съесть, – так радуйся. Через мгновение ты весь будешь во мне.»

Рудольф Б. Манхейм.

«Искусство выживания»

«Я стоял на том перекрестке всю жизнь и не выбрал ни одной дороги, потому что по какой бы я не пошел, – все равно бы пропал.»

Рудольф Б. Манхейм.

«Ходжение по мыслям»»

«Эта женщина желала любого, а выбрала только одного меня, ибо подсознательно

стремилась к Бессмертию, т. е. к постоянству.

Рудольф Б. Манхейм.

«Философия беспричинного поиска»

«Жизнь – это борьба, сказал К. Маркс, жизнь – это движение, говорили древние греки, следовательно движение – это борьба.»

Рудольф Б. Манхейм.

«Философия беспричинного поиска»

В последнее время появилось очень много книг с похожими названиями, хотя и совсем разных авторов.

Это и «Наука и жизнь», «Правда и жизнь», «Смысл жизни», «Истина жизни» и тому подобное. Среди редкостных авторов выдающегося направления я выделил бы Рудольфа Б. Манхейма с его книгой «Искусство выживания».

Автор без всякой тени смущения говорит, т. е. пишет о своей ненависти ко всему человечеству, а вместе с тем учит нас как лучше данное человечество ненавидеть...

Так в 1 главе 1-го тома «Искусство выживания» «На пороге порока» Рудольф Б. Манхейм пишет: «Человек – самое ужасное и мерзкое, одним словом, одномоментное существо...»

Своим ударением на одномоментность, т. е. преходящность всего мира, ученый на собственном опыте убеждает нас в том, что ненависть в высшей степени может быть сладостна всякому живому существу. Из-за чего в человечестве уже заранее заложена тяга ко всеобщей истребленности, т. е. к выс-

шей изничтоженности себя собой.

Впрочем, изничтоженность, как подчеркивает автор, часто возникает от излишней изнеженности, также серьезно заложенной в характере человеческих особей.

Далее Р. Б. Манхейм пишет: «Ненависть очень обогатила меня и развеяла весь пессимизм, причиненный мне собственным же бессилием, ибо пессимизм – последняя стадия человеческого бессмыслия, основанная на отрицании существующей реальности через себя.

Временами я уже начинал отрицать самого себя, пока не ощутил спасительную ненависть ко всему человечеству.»

Более интересные открытия нас поджидают в главе 3-ей «Завтрак Богов», где автор, можно сказать, превзошел самого себя, т. к. от лица самого Господа Бога, даже, всего божественного мира он увлекательно и поразительно быстро внушает читателю самые неожиданные «потусторонние мысли».

«Я выбрал тебя, чтоб съест, так радуйся, – всего через мгновение ты весь будешь во мне...» И далее следует логическая развязка: – «Я предпочитаю не трогать твою душу, а есть только тело» – эсхатологический и невероятно трудный для нашего понимания хищный эротизм Неизвестного и Вечного, от лица которого ведет свою речь автор, подводит нас к области самых беспричинных поступков, включая нашу неосознанную ненависть к человечеству, которой мы до сих пор не можем найти объективного оправдания.

Если же обратиться к главе 8-ой «Хождение по мыслям»

великого труда Рудольфа Б. Манхейма, то очень многое становится понятным: «Я стоял на перекрестке всю жизнь, – вызывает к Богу философ, – стоял, стоял, но так и не выбрал ни одной дороги, потому что по какой бы я не пошел, все равно бы пропал».

Вот она разгадка: «Я не хочу ничего решать, потому что все равно меня не будет, поэтому лучше пусть будет одно только внутреннее единство и поедание себя этим божественным миром.».

Именно так звучит финальный аккорд мысли великого автора, который не раз сравнивал себя со многими великими, в том числе и с прославленными полководцами, вроде Александра Македонского и Наполеона.

«Ведь только единство спасает армию в минуты трагических событий, – весьма логично убеждает Рудольф Б. Манхейм, подводя нас к самой значительной главе своего произведения, которая в переводе с немецкого звучит приблизительно так, – «Философия беспричинного поиска поисков», хотя под сильным давлением нашего издателя, данную главу я озаглавил как «Философия беспричинного поиска». Так о чем же в ней ведет речь автор?

Прежде всего в любви, причем не о простой, обыкновенной, а о самой ненавистной и отвратительной половой любви со всей ее естественной противоестественностью.

«В Любви не бывает ни победителей, ни побежденных, а есть один только творцы, которые ценою жизни вздымают

своим абсурдным, а порой безумным исполнением полового акта новую и невообразимо грязную и заразную жизнь!» – уверенно трактует основные положения своего философского труда Рудольф Б. Манхейм.

«Умеренность некоторых людей в сексе свидетельствует лишь об их скверной низости и подлости по отношению к другим человеческим особям.

И только ненависть вместо равнодушия может еще обрушить на людей океан страстей, этот желанный поток сладостного оргазма!» – именно так автор подчеркивает, что только самая безумная и ненавистная по своей необузданности любовь делает людей великими негодьями, которые и могут прославить все человечество!

Примеры из прошлого – маркиз де Сад, барон Мазох и еще почему-то назван Зигмунд Фрейд, хотя, как известно, что своими амурными трудами он никак не прославился.

Однако Рудольф Б. Манхейм уверяет нас, что тайно Зигмунд Фрейд был и садистом, и садомазохистом одновременно, поскольку питал большую ненависть к собственной сексопатологии.

Недаром же почти все его пациенты жаловались на его непомерную жестокую сексуальность, с которой он беспощадно обследовал в своей клинике их чересчур слабые в половом вопросе тела, что по мнению автора, как раз и доказывает скрытую от всех причину ненависти самого Зигмунда Фрейда к себе и ко всей своей собственной сексопатологии,

которую он создал на основе сновидений своих сексуально озабоченных пациентов.

Думаю, что книга Рудольфа Б. Манхейма оставит здоровый след в деле развития прикладных и теоретических наук, и возможно будет способствовать дальнейшему прогрессу в трудном деле освоения и объяснения нашего аномального поведения, и особенно в области человеческой злобы, ненависти и садизма.

Супермен

– К чертовой матери! – крикнул Сидор Сидорыч, выбрасывая деньги из карманов. Зеленые бумажные доллары разлетались по ветру как саранча.

Сидор Сидорыч стоял на краю глубокого оврага у леса.

Его перевернувшийся джип «Тойота Лэнд Крузер» лежал на дне оврага у обломившийся от его тяжести березки.

– К чертовой матери! – еще громче заорал Сидор Сидорыч, продолжая швыряться долларами. Вид у него был ужасно безумный.

– Зря, вы так, – сказала ему семнадцатилетняя девчонка в разорванном платье с размазанной по щекам губной помадой и тушью.

– Молчи, дуреха! – прикрикнул на нее Сидор Сидорыч, потрясая в воздухе кулаками, – разве тебе дано соплячке знать, как страдает душа русского мужика!

– Вы, кажется, гашиша перебрали! – хихикнула девчонка и стала подбирать с земли разбросанные доллары.

– Что это со мной?! – пробормотал Сидор Сидорыч, обводя помутневшим взглядом серое пасмурное небо, зеленое поле и темный еловый лес, и через мгновение его взгляд стал понемногу проясняться.

– Ты что это, мои деньги берешь, – опомнился Сидор Сидорыч, – или думаешь, раз я перебрал, так меня надуть те-

перь можно?!

– Дурачок, я же для тебя их и подбираю! – огрызнулась девчонка.

– Вот это по-нашему! – улыбнулся Сидор Сидорыч и заметно повеселел.

– Бог с ним, с джипом, новый куплю, главное, что живы остались, – вслух подумал он, с досадой оглядываясь на разбитый и перевернувшийся джип.

Однако девчонка подобрала с земли последнюю бумажку и резво побежала прочь.

– А хрен с ней, – вздохнул и одновременно сплюнул Сидор Сидорыч и присел на траву. Его все еще мучило, и голова продолжала кружиться.

– А есть ли смысл в жизни? – спросил он сам себя и достал пистолет, посмотрел в его черное дуло, приставил к виску, потом резко направил в сторону убегающей девчонки, прицелился и выстрелил.

Девчонка тут же упала, а Сидор Сидорыч со злорадной улыбкой закурил.

Его глаза опять загорелись безумным огоньком, как бывало прежде на охоте.

– Охота пуще неволи, – вздохнул удовлетворенно Сидор Сидорыч и медленно поднявшись, подошел к девчонке.

Она громко ревела, схватившись рукой за окровавленную ногу.

– Да, не бойся ты, дуреха, сама виновата, воровать ведь

не хорошо! – Сидор Сидорыч захотел с ней заговорить, как аморально грабить, убивать, прелюбодействовать, но вовремя опомнился.

– А хочешь, я тебя своей секретаршей сделаю?! – лукаво улыбнулся он.

– А вот этого не хочешь?! – и девчонка показала ему вытянутым средним пальцем правой руки неприличный жест.

Сидор Сидорыч обиженно засопел, а потом убрав пистолет в карман, склонился над девчонкой и стал доставать из ее разорванного платья деньги, тут же убирая их в свои карманы.

– Дяденька, ну, простите меня! – неожиданно всхлипнула девчонка, протягивая к нему свои руки.

Сидор Сидорыч сразу же воодушевился и выпрямил плечи. Это мое время, – подумал он и на его лице сразу же обозначилась цель, его воля и абсолютная власть над всем загнившим миром, в том числе, и над этой дрянной девчонкой.

– Это я – супермен, – говорил сам себе Сидор Сидорыч, поднимая с земли раненную девчонку и унося ее с собой на руках

– Спасибо, спасибо, вам, дяденька, – шептала девчонка сквозь слезы, утыкаясь мокрым носом в его здоровенное плечо.

– Бабам всегда надо показывать свою власть, – усмехнулся еще более удовлетворенный собой Сидор Сидорыч, и вдруг почувствовал как девчонка вытащила из его кармана писто-

лет и приставила его дулом к животу, а потом дуло резко поползло вниз, к самому сокровенному месту.

– Нет, только не это! – заорал Сидор Сидорыч и сразу же прогремел выстрел...

Геракл

Уже третью неделю Егор Петрович спускался по водосточной трубе к своей ненаглядной, к соседке Люське.

Жена, конечно, не могла этого знать, поскольку Егор Петрович заблаговременно бросал ей в чай снотворные таблетки.

– Ой, как спать хочется! – в который уже раз сладко зевнула и одновременно потянулась ничего не подозревавшая жена.

Егор Петрович стыдливо опустил свою лысую голову, но жена даже и не взглянула на него, – она уже громко храпела, подложив под щеку тарелку с недоеденным винегретом.

Для проверки Егор Петрович опять выдрал у нее с затылка солидный клочок волос, и тут же с досадой поморщился, обнаружив, что на этом месте у жены уже образовалась хорошо заметная проплешина.

Лучше уж с ног выдирать по волосику, или с бровей, а еще лучше с подмышек, – подумал Егор Петрович и опрометью кинулся к окну, а потом вниз по водосточной трубе, где двумя этажами ниже его ждала сладострастная Люсендра.

Именно так ласково называл ее Егор Петрович, когда крепко сжимал ее гибкое тело в своих суровых мужских объятиях. От объятий у Люськи часто оставались синяки, которые она потом тщательно замазывала тональным кремом.

– Ну, ты и Геракл, – говорила она, с восхищением разглядывая его могучие руки циркового акробата.

– Да, уж, стараюсь! – безумно хохотал в ответ довольный собою Егор Петрович.

– А ты не боишься разбиться?! – спросила его с опаской Люська, – может через подъезд ходить будешь?!

– Да, ну, на хрен! – беззаботно махал рукой Егор Петрович, – без романтизму нет эротизму!

Однако, когда Егор Петрович полез по водосточной трубе обратно, железный крюк на котором крепилась труба, под его ногой неожиданно согнулся и выпал из стены, а вслед за ним сорвалась и нога, и бедный Егор Петрович с ужасным и диким криком полетел вниз.

В больницу к нему так никто и не пришел. Ни обманутая жена, ни его ненаглядная Люсендра.

Весь дом знал об этом и соседи часто переговаривались между собой, осуждая этих двух жесткосердных и по-своему несчастных женщин.

А Егору Петровичу было уже на все наплевать.

Весь перебинтованный и зажатый медицинским корсетом, уже не Геракл, а пожизненный инвалид, парализованный от ног до самой сокровенной своей части, он как-то странно по первобытному невнятно подвывал, слушая по радио веселую песенку.

Рассеянный

Мне, кажется, что я немного рассеянный, поскольку очень часто теряю деньги... Деньги как вода проливаются сквозь мои пальцы, а поэтому часто я залезаю в долги, а потом мне приходится или признаваться, что я их опять потерял или убежать куда-нибудь к чертовой матери, чтоб не избили, как в прошлый раз, до полусмерти...

Мне часто не верят, и очень часто дают мне по морде, а поэтому я такой вот озлобленный и неадекватный, в общем чрезвычайно неприятный тип...

А потом, когда мне тоскливо я пью водку и от этого мне часто делается легко... Так легко, что я сразу всех прощаю, пока меня снова не измордуют...

И вообще, все, что я не делаю, рано или поздно ломается, теряется, приходит в негодность... Ломается семья, дружба, работа и ничего взамен не остается, ну, если только водка на некоторое время, чтобы забыть, что я опять у кого-то чего-то занимал а потом везде прятался...

В общем, я слабохарактерный, а поэтому пью... Пью я невыносимо много...

Многие мои собутыльники уже ушли на тот свет, а я еще жив и даже работаю... Работаю я очень тихо и осторожно...

Вообще, как я заметил, ночью проще всего кого-нибудь напугать и ограбить... Но трезвых я всегда избегаю, особен-

но мужчин... Очень люблю пьяных!

Чаще всего они мне сами дают свои деньги, чтобы порадовать меня! Пьяным море по колено! И вот, я так и работаю по ночам, и всегда благополучно выбираюсь из разных мерзопакостных положений благодаря деньгам!

То есть, мозгам! Это я оговорился!

Просто я опять, сволочь, напился и даже как-то неаккуратно свалился, причем на такую же пьяную и неадекватную бабу...

И все бы ничего, поскольку ее сумку я уже обшарил и ничего там не нашел, но эта дуреха вцепилась в меня как клещами и не отпускает...

Она говорит, что у нее праздник, начальник впервые выплатил премию за год, а потом у соседа сдох кот, который гадил у нее под дверь, и поэтому ей нужен на ночь мужик, а поскольку сейчас ночь и к тому же мы оба пьяные и мы никуда не торопимся, то нам надо сподобиться что-то этакое сотворить на двоих...

Я сразу ей сказал, у меня что-то не в порядке с головой, а потом, когда я выпью, я вообще ничего не соображаю!

А она мне говорит, это даже хорошо, что ты ничего не соображаешь, но я видела, как ты рылся в моей пустой сумке, и поэтому я знаю, что ты все-равно что-то соображаешь, а поэтому давай уже, меня удо-удо-удовольствиями начинать!

Я чуть с ума не сошел... Она оказалась такой невостребо-

ванной!

В общем, утром мы вместе уползли в ее квартиру продолжать свое интимное дело... Для начала я решил обчистить ее квартирку, но в ней помимо нас оказался ее дед...

Он сразу же мне сказал, – я здесь хозяин, я здесь – самый главный, а поэтому ничего не трогай, сучий сын!... Хочешь иметь внучку, иди и запирайся с ней в спальне, а по квартире не шастай!...

Так я получил урок нравственного воспитания и мне даже сделалось немного стыдно, но Афигения, моя случайная подруга меня очень быстро успокоила своим горячим, но совершенно независимым от меня телом...

А потом я остался у нее даже жить на пенсию ее не очень-то сговорчивого деда, который все время старался ее куданибудь спрятать от нас, отчего нам все время приходилось применять силу...

Обычно я держал его за руки, а Афигения щекотала его пятки, пока дед не сдавался... Самое странное, что он пил с нами наравне, а пенсию почему-то отдавать не хотел!...

А потом Афигения родила мне девочку и мальчика. Так я стал благородным отцом, то есть бросил пить, измываться над дедом и устроился на птицефабрику, откуда часто приносил кур и яйца...

Со временем мы обзавелись своей птицефермой, я даже инкубатор в квартире построил!... Вонь, конечно, немного раздражала наших соседей, зато яйца у нас никогда не пере-

водились... Торговал ими на рынке наш дед...

Со временем мы купили в деревне дом и построили большую птицефабрику, потом еще и еще одну птицефабрику, вот так я и оправдал свою фамилию – Птицын!... И стал великим и богатым птицеводом...

Даже страусов у себя на ферме развел и на экскурсию туда за деньги пускал всех желающих...

Афигения за это время родила мне одиннадцать мальчиков и двенадцать девочек... Про нашу семью даже фильм хороший сделали...

И все равно я чем-то был недоволен... Кажется, что на мне сказывается скверный характер моих предков, которых без конца били, ругали, а самое главное, никогда и ни в чем не доверяли им, а поэтому мне надо что-то делать...

Может, вы мне что-то посоветуете... А то жизнь идет быстро, так и не успеешь ничего понять, как уже сам окочурешься!

В общем, советуйте, друзья, и посылайте свои письма мне на электронный адрес: nosilchik@yandex.ru

А я уж обязательно когда-нибудь и как-нибудь воспользуюсь вашим советом, да еще огромное спасибо скажу, и не просто скажу, а целый центер яиц вам вышлю, чтобы вы себе тоже какой-нибудь инкубатор завели и разбогатели как я, и отдыхали где-нибудь на Канарах или на Мальдивах... на каких-нибудь дивах...

А так, вообще я очень и очень рассеянный, чего-то гляжу

все, думаю и рассеиваюсь потихоньку...

Убийство убийцы

Когда появляются слезы... Кто бы знал, как они неожиданно появляются, когда ты теряешь часть себя, и смотришь на мир чужими и незнакомыми глазами...

Когда тебя предали и ты сам предал... И все живое возвращено наизнанку...

И ничего изменить нельзя... Я видел одного человека...

Он прятался от меня, но шел за мною по пятам...

Ему дали деньги, чтобы он меня убил... Кто дал... Это уже не важно...

Главное, что я это понял и теперь умело прятался от него...

Он шел за мною по пятам, он ехал за мной на разных автомобилях, он менял одежду, лицо... Но я знал, что это он, мой убийца...

И поэтому я ждал момента, чтобы опередить его, но мне его было жалко, и поэтому я плакал... Я знал, вернее чувствовал, что я намного коварнее и хитрее его... У меня был некоторый опыт, а он был новичок...

И вот, из-за того, что он ввязался в чужую игру, он должен был теперь уйти из жизни...

Я долго наблюдал за ним, находясь за его спиной, в то время, как он следил за моим домом, даже не подозревая, что я спустился вниз из окна по пожарной лестнице и обошел его

сзади...

Мне осталось только нажать на курок, и спокойно уйти...

Но что-то мешало... Середина ночи имела свою удивительную музыку, когда вглядываясь в звезды на небе, ты можешь представить себя уже в том потустороннем мире...

Я представлял себе, как он потом встретит меня там, и с каким осуждением посмотрит на меня, и скажет: Ну, что же ты меня убил?!

Если б ты сказал мне, что убьешь, то может быть, я бы ушел и навсегда скрылся из твоей жизни... Выстрел прозвучал совершенно неожиданно...

Он рухнул на землю как манекен, я опять заплакал, жалея его, но все же быстрыми шагами удалился за угол дома и сев в машину, рванулся из города...

Я уже знал, что начну новую жизнь в другом городе у моря, и даже в другой стране... И я знал, что я совершил только что абсолютно бессмысленное убийство своего, пусть даже и наемного убийцы, которого мне было так жалко, что я до аэропорта ревел всю дорогу... И в самолете до Афин тоже ревел...

И даже с проституткой в Салониках на пляже я продолжал реветь, не переставая, как чокнутый...

Я знал, что это депрессия, но ничего не мог с собой поделать, и поэтому горько плача, трахал равнодушную ко мне проститутку...

А потом ночью вышел к морю, зашел по колению в набега-

ющие на берег волны и направил ствол пистолета себе в рот, нажал на курок, но выстрела не прозвучало, была осечка, и вот, эта осечка вернула меня к жизни, и я стал почти такой же как все, но только с тех пор когда я лежу с женщиной, я всегда плачу, из-за чего они долго не задерживаются в моей постели, но мне наплевать, я нашел в себе некое равновесие и поэтому все еще живу, зарабатываю деньги и думаю о нем, но гораздо нежнее и возвышеннее...

Я уже точно знаю, что он меня простил, и что мы там обязательно встретимся и обнимемся, как братья...

Великий Моцарт или случай больного Т.

Больной Т. очень часто находился в полубессознательном состоянии.

Временами у него возникало чувство нереальности происходящего.

У него не было друзей, зато было много денег, доставшихся ему в наследство от деда, и он даже не знал, что с ними делать, а поэтому как многие ходил на работу, где весь день просиживал за компьютером и чертил схемы, кривые ломанные линии-графики процветания и возможного краха фирмы, в которой работал уже несколько лет.

Однажды в выходной день он чуть не бросился под поезд. Это его так сильно встряхнуло, что он с испугу привел к себе юную нищенку с вокзала. Она играла на скрипке за деньги великого Моцарта, создавая своей игрой волшебные переливы «Маленькой ночной серенады», «Волшебной флейты», отрывка из 40 Симфонии и из Реквиема, и других вещей гениального композитора.

Любая, веселая или печальная мелодия Амадея целебным бальзамом ложилась на душу больного Т..

Он вдруг вспомнил, как в детстве заслушивался ранними концертами юного Моцарта для клавесина с оркестром.

Прелестные мелодии навеяли яркие воспоминания детства и больной Т. прослезился и даже раздумал бросаться под поезд, хотя пришел на вокзал именно с этой целью, выискивая поудобнее платформу с которой было бы легко броситься вниз под колеса подъезжающего поезда.

Постепенно вслушиваюсь в игру нищенки, больной Т. с удивлением вдруг обнаружил, что он уже не сомневается в этой реальности, и в том, что он существует, а главное, он почувствовал, что влюбился в нее, в это юное и судя по всему бездомное создание...

Больной Т. уговорил ее за деньги опять сыграть у него дома великого Моцарта, дав ей увесистую пачку долларов. И она стала играть «Турецкий марш».

Эта бодрая музыка вселила в больного Т. ураган страстей, и он тут же встав перед ней на колени, заплакал, а потом зарылся лицом в ее юбку...

Неожиданный запах мочи и давно немытого тела повергли больного Т. в кратковременный шок, но Моцарт, волшебный и торжественный, бодрый и веселый Моцарт вернул ему душевное равновесие, и, наконец, дождавшись окончания «Турецкого марша», он схватил девушку за руку, грубо ее раздел и усадил в ванну.

Обмыв ее губкой с персиковым шампунем, и протерев ее тело огуречным лосьоном, он уложил ее в постель. Девушка уже с улыбкой ждала продолжения действий, но больной Т. сидел молча около девушки и плакал. Он был полон музыки,

которая уже переполняла его разум.

На миг ему даже показалось, что он привел к себе не девушку, а ведьму, которая превратила его в кондиционер, и он теперь пропускает через себя грязный воздух вонючего и ужасного города...

Т. на мгновение понял, что попал в ловушку собственного сознания, а поэтому несколько раз ударив себя по щекам, разделся и лег к девушке.

Он очень боялся, что она, не дай Бог, расплатется и все испортит, а поэтому только молча водил рукой по ее телу, иногда останавливая руку на ее мохнатом лобке...

Какая-то странная сила запрещала больному Т. любить незнакомку, хотя он этого сам страстно желал...

Девушка тоже была напряжена и шумно дышала, иногда издавая животные стоны...

Она не ведьма, – подумал больной Т., но я ее не знаю, а поэтому я не знаю, что мне с ней делать...

Сознание больного Т. на какое-то время зафиксировало его истинную связь с девушкой и он замер в сладком предчувствии, а потом совершенно неожиданно ощутил ее нежное лоно, но все еще продолжал водить рукой, но уже по ее распущенным волосам...

Это наваждение, – думал Т., – это голая девушка сводит меня с ума и насыщает мой разум злой иронией, а может, даже духами, которых я боюсь.. А поэтому я сам ничего не знаю...

– Кто ты?! – наконец спросил он девушку.

– Я то, чего ты боишься, – прошептала девушка и больной Т. понял, что она умеет читать его мысли.

– Ты ведьма?! – неуверенно спросил ее больной Т.

– Я то, из чего все происходит, – прошептала девушка и неожиданно рассмеялась, а Т. облегченно вздохнул, но тут же осекся...

Он вдруг почувствовал, что девушка сама ложится на него и разводит свои бесстыжие ноги, и нахально дает ему проникнуть в себя...

– О, боже, это нечестно, – прошептал Т., замуривая от яркого света глаза.

– Жизнь не может быть честной, – усмехнулась девушка и тут же вскрикнула ощутив в себе мощный взрыв изливающегося в ее лоно семени больного Т.

– Я не хотел, – прошептал Т.

– Все не хотят, – разочарованно прошептала девушка.

И медленно встала с постели, взяла в руки скрипку и заиграла Allegro из 2 концерта юного Моцарта для клавесина с оркестром, а больной Т. заплакал, он плакал от счастья, что у него есть эта любимая музыка с этой любимой им девушкой...

– Кажется, я схожу с ума, – вслух подумал Т. и почему-то эта мысль его обнадежила. Он понял, что все это время искал, блуждая по городу и чертя на компьютере никому ненужные графики расцвета и упадка всего челове-

ства, он понял, что искал Любовь, и вот, сейчас он нашел ее, и плакал, глядя на нее, в нее и сквозь нее и боялся потерять и опять остаться один, навсегда один, и никому ненужный он, вдыхал в себя и музыку Моцарта и девушку, вдыхал зачарованно, и жил этим восторженным дыханием...

– Я хочу жениться, – сказал ей больной Т., когда она перестала играть.

История больного Т. закончилась тем, что он и на самом деле женился на нищей скрипачке, став глубоко верующим человеком...

Эта чудесная женщина приучила ходить его на все церковные службы...

Оказалось, что в прошлом она была не только скрипачкой, но и проституткой, а теперь рьяно замаливала свои грехи...

Но больной Т. все равно был счастлив... Ночами он терзал тело юной скрипачки, а в выходные и вечерами молился вместе с нею в церкви о прощении грехов...

В общем, больной Т. полностью излечился от депрессии благодаря любви и музыке великого Моцарта и стал вполне нормальным, спокойным, уравновешенным человеком, глядящим иногда, как все влюбленные, в себя, т. е. в свои здоровые сексуальные фантазии, соединяющиеся с духовным началом музыки и всего, что поморгает Творцу манипулировать и управлять этим миром...

У сексопатолога. Доктор и пациент

Доктор. Я не хотел вас огорчать, но у вас... (многозначительная пауза)

Пациент. Доктор, что у меня?! (с испугом)

Доктор. У вас... Кстати, а вы заплатили мне за последний визит?!

Пациент. Доктор, я обязательно вам заплачу!

Доктор. Вот, заплатите, тогда я вам все и скажу!

Пациент (протягивая доктору пачку денег). Вот, пожалуйста-ста, возьмите!

Доктор быстро прячет деньги в стол.

Доктор. У вас ничего нет!

Пациент. Как это ничего нет! (с обидой и удивлением)

Доктор. А вот так вот, нет!

Пациент. Совсем ничего?!

Доктор. Ничего-ничего!

Пациент. Так за что я вам тогда заплатил?!

Доктор. За результат!

Пациент (озадаченно) За результат?!

Доктор. Вы здоровы как бык!

Пациент (удивленно) Как бык?!

Доктор. Как бык!

Пациент. Доктор, а как же бессонница, постоянные головные боли и отсутствие эрекции с женой?!

Доктор. Заведите себе любовницу!

Пациент. (с негодованием) Доктор, да вы в своем уме?!

Доктор. В своем! В своем!

Пациент. Доктор, я не могу изменять своей жене!

Доктор. Тогда мучайтесь!

Пациент. (раздраженно) Ну и буду мучаться!

Доктор. (тоже раздраженно) Ну и мучайтесь!

Пациент. (умоляюще) Ну, придумайте что-нибудь! И я вас озолочу!

Доктор. М-да! (нервно чешет затылок) Кстати, а чем вас не устраивает любовница?!

Пациент. (сгибает палец на правой руке) Ну, во-первых, это аморально!

Доктор. А во-вторых?!

Пациент. (сгибая следующий палец) Во-вторых, это опасно!

Доктор. А в-третьих?!

Пациент. В-третьих, это ужасно!

Доктор. (с улыбкой) Голубчик, так вы мизантроп!

Пациент (удивленно) А что это?! Это опасно?!

Доктор. Ну, это человек не совсем уверенный в своих силах, а поэтому часто обижающийся на окружающих людей, да что там людей, сразу на все человечество!

Пациент. Да уж, характер у меня действительно несносный! Вчера, доктор, представляете себе, заставил свою секретаршу 120 раз обежать свой стол. А стол у меня очень

большой! А потом заставил 80 раз отжаться от пола!

Доктор. (кашляя в кулак и пытаясь подавить смех) А чем она вам так не угодила?!

Пациент (словно извиняясь перед доктором) То голова болит, то бессонница, то совсем ничего не получается с женой! Просто беда! Вот и приходится хоть на ком-то разрядиться!

Доктор. М-да! (нервно чешет затылок)

Пациент. (с сочувствием глядя на доктора) Нервы?!

Доктор. Да, нет! Вши одолели, проклятые!

Пациент (испуганно отодвигаясь подальше от доктора)
Вши?!

Доктор. Они самые! (с широкой улыбкой)

Пациент. Так вы бы их удалили!

Доктор. А как?!

Пациент. Ну, для этого мыло специальное есть!

Доктор (удивленно) Да, что вы говорите, голубчик?!

Пациент. Ей-Богу, не вру!

Доктор. Хорошо, я вам верю! А где его раздобыть?!

Пациент. Не знаю, я для своего Брэда всегда в зоомагазине покупаю!

Доктор. А кто такой этот Брэд?

Пациент. Чихуа-хуа!

Доктор. Он кто, китаец?!

Пациент. Нет, мексиканец!

Доктор. (удивленно) Надо же! Выходит у вас в семье живет настоящий мексиканец!

Пациент. (с улыбкой) Выходит, что так!

Доктор. А он на вашу жену не поглядывает?!

Пациент. Поглядывает!

Доктор (удивленно) И вы не боитесь их оставлять вдвоем?!

Пациент (с улыбкой) Нет, не боюсь!

Доктор (с восхищением пожимает ему руку) Ну, вы смелый человек!

Пациент опять боязливо отодвигается от доктора вместо со стулом.

Доктор. А что это вы меня так боитесь, голубчик?!

Пациент. Но у вас же вши, доктор! А вдруг они с вас ко мне перепрыгнут!

Доктор. М-да! (нервно чешет затылок)

Пациент. И давно это у вас?!

Доктор. Да, скоро уже шестой год пойдет!

Пациент. (удивленно) И вы шесть лет ходите со вшами?!

Доктор (бодро, с улыбкой) Привычка свыше нам дана, заменой счастья она!

Пациент (с подозрением глядя на доктора) Доктор, а вы на самом деле доктор?!

Доктор (с возмущением) А кто же я по-вашему?!

Пациент. М-да! (нервно чешет затылок)

Доктор (с сочувствием) Нервы?!

Пациент (со страхом) Не знаю!

Доктор. Все-таки любовницу вам бы не помешало себе

завести!

Пациент (еще сильнее чешет голову) А где ее взять?!

Доктор. А зачем далеко ходить?! У вас же есть секретарша, кстати, а сколько ей.

Пациент. Кажется, 18!

Доктор. (с улыбкой потирая руки) Вот и прекрасно! Будете себя плохо чувствовать, то вместо того, чтобы заставлять ее по 120 раз обегать свой стол, лучше ее 120 раз поцелуете! Ну, и вместо того, чтобы она 80 раз отжималась от пола, лучше ее 80 раз сожмете в жарких объятиях! (радостно смеется)

Пациент (с тоской чеша себя уже между ног) И вы думаете поможет?!

Доктор. Еще как поможет!

Пациент. Доктор, а вы что заканчивали?!

Доктор. Ну, дорогой мой, разве это имеет какое-то значение?!

Пациент. Имеет, доктор, для меня имеет!

Доктор. М-да! (нервно чешет голову)

Пациент. А может вы вообще ничего не заканчивали?!

Доктор. (гордо выпячивая грудь) Учатся только дураки, которые ничего не понимают!

(Бьет себя кулаком в грудь) А я нигде не учился и не собираюсь ни у кого учиться! У меня все здесь! (тычет себя пальцем в лоб). Зато я самоучка! Уже 8 лет как практикую! Простите, ошибся! Как вши завелись, так и начал практиковаться! Помогает, знаете ли, как-то отвлекает! (опять чешет

голову)

Пациент (кричит) Отдайте мои деньги!

Доктор. Хорошо! Я вам верну ваши деньги, но с одним условием!

Пациент. С каким еще таким условием?!

Доктор. Я отдам вам деньги, если вам не поможет ваша секретарша!

Пациент. (с усмешкой) А как вы узнаете, что она мне поможет или не поможет?!

Доктор. Я надеюсь на вашу порядочность!

Пациент. (с вызовом) Ну, надейтесь, надейтесь!

Доктор. М-да! (чесет голову)

Пациент. М-да! (тоже чешет голову)

Доктор. Кажется, мои вши...

Пациент. (со вздохом) Я уже понял!

Доктор. Какой вы мудрый и рассудительный человек!

Пациент (задрал нос кверху) Да, доктор, я очень учный!

Доктор. А я это сразу заметил!

Пациент. А как?!

Доктор. Ну, во-первых, взгляд очень у вас серьезный, очень такой вдумчивый!

Пациент (удивленно) Неужели?!

Доктор. Да, да! А потом голос! У вас такой прекрасный, такой божественный баритон! Баритон – все в тон! Эх, вам бы в опере петь!

Пациент (смущенно) А я и пою в опере!

Доктор (ошеломленно) Ну, надо же, надо же! (и пожимает руку пациенту) Кстати, а почему я нигде не слышал вашего имени?!

Пациент (понуро опустив голову) А я очень тихо пою, когда сижу на галерке, то тихо повторяю за артистами их арии!

Доктор. (опять пожимая и сердечно тряся руку пациенту) Вы просто уникам!

Пациент. (смущенно краснея) Доктор, а как мне начать свои отношения с секретаршей?!

Доктор. Для начала подарите ей цветы!

Пациент. А может сразу приказать и все?!

Доктор. Видите ли, голубчик, женщины любят ласку, любят, когда за ними ухаживают!

Пациент (озадаченно) А зачем мне ухаживать, если она меня и так слушается!

Доктор. М-да! (нервно чешет голову) Секс в приказном порядке?! (глубоко задумывается, подперев подбородок рукой в позе мыслителя Родена)

Пациент. (в нетерпении) Так, что вы скажете, доктор?!

Доктор. Действуете, голубчик, действуете!

Пациент. А вдруг она того самого! Ну, заразная?!

Доктор. А вы прикажите ей провериться!

Пациент (радостно потирая руки) Точно! Так и сделаю!

Доктор. Заодно и сами проверитесь!

Пациент. А мне-то зачем?!

Доктор. А вдруг ваша жена с Бредом!

Пациент (с возмущением) Моя жена с Брэдом?!

Доктор. А что вы хотите?! У вас с ней давно ничего не получается, а она все-таки живой человек!

Пациент (с ужасом) Вот именно, что она человек! Нет, она не может!

Доктор. (с усмешкой) В моей практике и не такое бывало!

Пациент (уже задумчиво) Значит, вы думаете, что моя жена изменяет мне с Брэдом?!

Доктор (по философски скрестив руки на животе и вздыхая) Все может быть! Тем более Брэд, как вы сказали, мексиканец, горячая кровь! Чихуа-хуа, говоришь?!

Пациент (с тоской глядя на доктора) Да, чихуа-хуа!

Доктор. Даже выговаривается как-то неприлично!

Пациент (горячо пожимая руку доктору) Спасибо, доктор! Вы мне раскрыли глаза!

Доктор. М-да! (нервно чешет голову)

Пациент. М-да! (тоже чешет голову)

Посторонний

Мы, как обычно, сидели во дворце с императором и пили шампанское...

Вокруг было весело... Юные полуобнаженные красотки крутили страстно своими бедрами причудливый танец...

Я себе под нос насвистывал «Маленькую ночную серенаду» Моцарта и только император был немногословен и хмур...

Дело в том, что в зал вошел молодой незнакомец, а император очень не любил посторонних... И действительно, оправдывая тревожную задумчивость императора, незнакомец, как будто в порядке вещей, прошел мимо, не обращая на императора никакого внимания, словно его и не существовало в природе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.